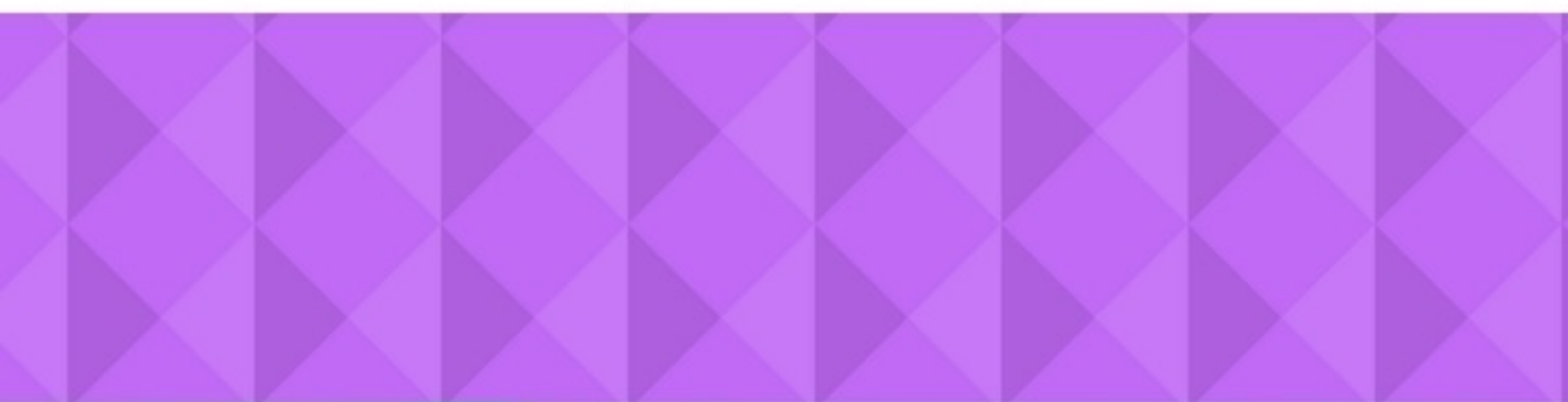

Акким Драников
Второе пришествие

Акким Драников
Второе пришествие

«Издательские решения»

Драников А.

Второе пришествие / А. Драников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903685-8

После глобальной катастрофы на поверхности Мирового океана остается клочок суши — часть территории России. Уцелевшие люди — всего несколько тысяч человек — стараются выжить в новых условиях. Медленно, с огромным трудом, их жизнь налаживается. Но внезапно появляется жестокий враг, судьба остатков человечества повисает на волоске. И, кажется, оборвать его — лишь дело времени.

ISBN 978-5-44-903685-8

© Драников А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог (год 2020)	6
Часть первая	8
Судный день	8
Банда	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

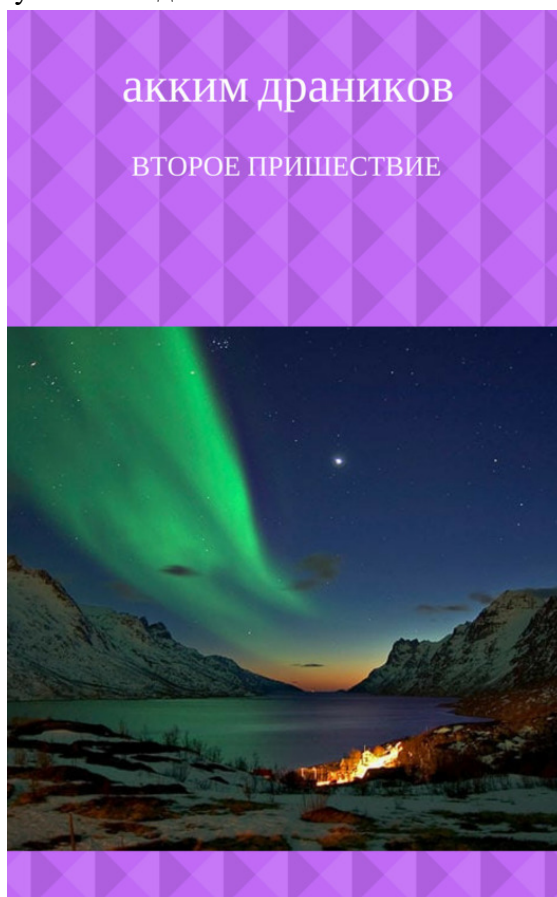
Второе пришествие

Акким Драников

© Акким Драников, 2018

ISBN 978-5-4490-3685-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог (год 2020)

Мини-батискаф «Офиура» медленно проплывал над плоской вершиной небольшой подводной горы, скорее даже холма, находящегося в сотне с лишним километров от ближайшего заселенного людьми острова. Поэтому здесь кипела жизнь, не изуродованная человеком в соответствии с его нуждами и прихотями. От вершины холма до поверхности океана было меньше десяти метров, и жадно поглощающие щедрую энергию солнца морские обитатели здесь процветали. Огромные губки, похожие на старинные амфоры, возвышались над миниатюрным коралловым лесом, поражающим богатством цветов и изысканностью форм. Казалось, белые, красные, фиолетовые, нежно-розовые и черные горгонарии, морские перья, мадрепоры стремятся перещеголять друг друга своей неземной красотой. Нарядные коралловые рыбки, словно бабочки, порхающие от одного морского цветка к другому, придавали этой феерической картине абсолютно безупречную завершенность – последний мазок кисти величайшего художника – природы.

«Офиура» была одноместным подводным судном, рассчитанным на сравнительно небольшие, всего до полукилометра, погружения. Но человеку, недавно купившему «Офиуру» больше и не требовалось. Его не интересовали глубины, на которых жизнь встречается лишь от случая к случаю и лишена искрометного буйства красок кораллового рифа. Остановив свою мини-субмарину, человек с интересом разглядывал в иллюминатор окружавшую его живность.

Буквально в нескольких метрах от «Офиуры» медленно полз рак-отшельник, волоча на своей раковине ярко-красную актинию. Внезапно перед ним оказался второй рак-отшельник, побольше размерами, без раковины и актинии. Он яростно набросился на первого рака, норовя выжить того из его собственного домика. Благодаря большей силе после ожесточенной схватки нахалу это удалось. Победитель стал немедленно втискиваться в маловатый для него домик, а побежденный тоскливо заковылял прочь. Но недалеко ушел. Привлеченная битвой, каракатица вцепилась в ставшую беспомощной жертву и расправилась с ней в два счета. Одного рака хищнице показалось мало, и она метнулась, не подумав, к недавнему победителю. Актиния молниеносно отреагировала на внезапную атаку. Чуть изогнувшись, она выбросила навстречу хищнице сразу несколько десятков своих щупалец, вооруженных ядовитыми стрекательными клетками. Дернувшись от боли, каракатица ударилась в бегство, одновременно выпустив от страха чернильную жидкость. В воде расплылось большое темное пятно.

В масштабах кораллового рифа случившееся было заметным событием, всколыхнувшим почти все его население. Маленькие фиолетово-оранжевые граммы молниеносно позабывались в свои убежища, желтые в синюю полоску рыбы-императоры хаотично заматались над лиловыми морскими перьями и лишь метровая ковровая акула не обратила на эту мышиную возню ни малейшего внимания.

Человек в батискафе недовольно сморщился. Установленная каракатицей чернильная завеса окутала судно, отчего яркая картина вдруг стала размытой, будто подернутой пеленой и к тому же унылого серо-коричневого цвета. Человек склонился над пультом управления. «Офиура» послушно тронулась с места и стала медленно опускаться вдоль склона холма. С каждым метром погружения блекли окружающие батискаф краски. Чем глубже, тем беднее была жизнь, да и солнечные лучи, с трудом пробивающиеся толщу воды, уже не могли осветить ее должным образом. Наконец батискаф оказался в почти полной темноте.

Человек протянул руку, чтобы включить прожектор, но вдруг заметил слабое свечение. Источник его находился метров на десять глубже и немного впереди «Офиуры». Человек немедленно направил батискаф на этот таинственный свет. Правда, на мгновение, всего на одно мгновение, он показался себе мотыльком, летящим на огонь, но люди уже давно

разучились воспринимать сигналы опасности, которыми бессознательно руководствовались их предки.

«Офиура» опустилась к самому подножью холма. Там находилась подводная пещера с небольшим, метра полтора в диаметре, входом. Человеку показалось, что при его появлении туда метнулась какая-то неясная тень, но проверять верность этого наблюдения он не стал. И без того хватало пищи для размышлений.

Дно рядом с пещерой было уставлено – другого слова и не подберешь – правильными рядами светящихся морских перьев. Как попали сюда эти кораллы, обычно живущие на больших глубинах, и почему расположены, словно фонари на площади – это было загадкой. А еще дно у пещеры сразу вызвало у человека ассоциацию с детской площадкой. Сначала это было общим, ничем не подкрепленным впечатлением, затем его подтвердили конкретные факты. Первыми бросились в глаза многочисленные раковины моллюсков, даже при таком невразумительном свете поражающие изяществом форм. В самом углу площадки находился скелет большой рыбы, увешанный, словно разноцветными лоскутами, обрывками красных, зеленых, желтых водорослей. Несколько кувшинов, часть из которых явно создавалась еще античными мастерами, были равномерно распределены по всему участку. Но самое удивительное – в центре площадки, хорошо освещенные стоящими кругом морскими перьями, плавали нарядные коралловые рыбки. Они время от времени пытались вырваться из освещенного круга, но какая-то невидимая, но достаточно надежная преграда сводила на нет все их усилия.

Человек замер, размышляя, то ли ему рассмотреть поближе удивительный аквариум в океане, то ли затаиться и дожидаться появления таинственных обитателей пещеры. И в этот момент «Офиура» содрогнулась от сильного удара. Человек в страхе обернулся по сторонам. Он заметил, как в воде мелькнуло нечто, похожее на толстую плеть с привязанным к ней острым камнем на конце, и нанесло удар по левому, дальнему от площадки иллюминатору. Толстое стекло покрылось сетью мелких трещин. От неожиданности человек замер, и этого хватило для нового удара. Глубокая трещина зловещим зигзагом судьбы прочертила иллюминатор по диагонали. Человек опомнился и бросился к панели управления. Но было поздно. Загадочная плеть хлестнула вновь. Стекло лопнуло, развалилось на множество осколков, и морская вода со зловещим урчанием хлынула внутрь «Офиуры». Бурным потоком батискаф опрокинуло на бок, человека отшвырнуло от панели, и он тут же был накрыт заполнившей «Офиуру» водой. Он еще сделал бессмысленную попытку выбраться из батискафа, но сознание померкло, и неуправляемое тело медленно опустилось вниз.

В это время неведомые силы подхватили «Офиуру» и поволокли прочь от загадочного места.

Часть первая

Судный день

Хотя июнь для Южного полушария – далеко не самый жаркий месяц, днем столбик термометра поднялся за тридцатиградусную отметку. Оно и понятно – тропики. Пот градом катил с участников экспедиции, упрямо карабкавшихся по горному склону. Они начали восхождение ранним утром, и, наконец, оказались у самого финиша. Собрав остаток сил, Лемтюгов ускорился и преодолел оставшееся расстояние за считанные минуты. Он оказался в нескольких десятках метров от озера, в котором, если верить древнему манускрипту, покоились несметные сокровища. От неожиданности и огорчения Лемтюгов даже присвистнул.

– Теперь ясно, почему драгоценности по сей день остаются здесь, – пробормотал он.

Водная гладь занимала почти всю поверхность горного плато. Десятки, сотни тысяч тонн воды отделяли людей от вожаемых сокровищ.

– Все бы ничего, да только вот эти деревья по берегам, – заметил руководитель поисковой группы.

– А что деревья? – живо поинтересовался Лемтюгов.

– Падают в воду, гниют, причём в течение многих тысяч лет. Вот вам и органический ил. Попробуй, найди в нем что-нибудь.

Словно подтверждая его слова, хвостатый попугай выкрикнул с верхушки деревьев в адрес членов экспедиции что-то очень неприличное. Решил поиздеваться, сволочь.

Лемтюгов задумался. Руководитель поисковой группы стоял рядом, искоса поглядывая на щедрого работодателя. Он до сих пор не мог понять, что заставило одного из богатейших людей России бросить все и забраться в тропическую глушь? Мифический клад, лежащий на дне озера? Но вряд ли хоть один из реальных или сказочных кладов, известных человечеству, мог конкурировать по стоимости с теми несметными богатствами, которые Лемтюгов успел выкачать из русской земли. Желание развеяться, получить острые ощущения от приключений, о которых много лет тому назад читал в детских книжках? Возможно-возможно. Хотя, скорее, много причин сплелось воедино, толкнув миллиардера на участие в экспедиции. Тут и усталость от каждодневной работы, и жажда приключений, и элементарная жадность. Не дай Бог в его отсутствие члены экспедиции растащат часть сокровищ!

После нескольких минут раздумий миллиардер ожил и жестом подозвал к себе только что вскарабкавшегося на плато невысокого, с заметно выпирающим животиком, мужчину. Его Лемтюгову порекомендовали, как одного из лучших в своем деле профессионала. Мужчина являлся подрывником, и не просто по специальности, а что называется от бога. Хотя, вернее, конечно, от дьявола.

– Видишь это озеро? – поинтересовался у него Лемтюгов.

Мужчина промолчал. Он знал себе цену и не собирался отвечать на глупые вопросы, даже если они задавались работодателем.

– Надо бы от него избавиться, – произнес миллиардер таким тоном, словно речь шла о крохотной луже.

Также молча подрывник стянул с плеча одного из стоявших рядом мужчин бинокль и принялся изучать берега озера.

– Ящик взрывчатки – и все дела, – наконец резюмировал он.

– Вы не понимаете. Водный поток увлечет за собой сокровища! – воскликнул руководитель поисковой группы и, не удержавшись, добавил. – Если они там есть.

Издавательски хмыкнув, подрывник двинулся вдоль берега озера. Местами всего около метра скальной породы удерживало воду на вершине, хотя порой это расстояние увеличивалось в несколько десятков раз. Когда мужчина вернулся, охотники за сокровищами успели отыскать место для лагеря и расставить палатки.

– Нашел я то, что надо. Если правильно установить заряд, с первого раза уйдет две трети воды, – радостно сообщил подрывник.

– Можно подумать – это что-то изменит, – опять встрял со своим скепсисом руководитель поисковой группы. – Что все озеро, что треть – нам легче не станет.

– После этого несколькими слабенькими взрывчиками аккуратно сольем остальную воду, – ядовито закончил подрывник. – Так что все сокровища на месте останутся, никуда их не смоем.

На следующее утро подрывник в одиночку отправился на дело. Филигранную работу он предпочитал выполнять сам, даже без помощника. Провозился он долго и вернулся только к обеду.

– Готово, – весьма лаконично охарактеризовал подрывник многочасовой труд.

– Очень кстати, – обрадовался Лемтюгов. – Мы как раз пожрать собрались. Заодно отметим это дело.

Компания расселась за импровизированным столом. Хлопнули открываемые бутылки шампанского.

– Давай! – приказал Лемтюгов, когда пенистая жидкость заполнила стаканы.

Подрывник тут же надавил на кнопку дистанционного взрывателя.

Ухнул взрыв. Поглощенный расстоянием, звук его едва донесся до участников экспедиции. И тут же раздался оглушительный грохот. Земля словно взорвалась, как если бы она вся, до последней песчинки, превратилась в динамит. Гора в мгновение ока раскололась на сотни, тысячи частей и вместе с оседлавшими ее людьми провалилась в разверзшуюся бездну. Кажется, взрыв пришелся в нервный узел планеты, попал в самую уязвимую точку, и земля содрогнулась от чудовищной боли, исполосовав свое тело сотнями пропастей и ущелий, а когда пришла в себя, то решила навсегда избавиться от бесцеремонных существ, которых она породила и вырастила, и которые теперь, ведая, что творят, ежегодно рискуют уничтожить и себя, и ее.

Последовали новые, еще более мощные толчки. Теперь с лица Земли бесследно исчезали не отдельные горы, а целые страны и континенты. Запущенный незначительным взрывом, всемирный катаклизм стремительно набрал невиданную силу, яростно пробушевал всего несколько минут и, как по команде, разом угас. Но и за это ничтожное время облик планеты изменился до невероятности. Только мало кому довелось это увидеть..

Радист авиалайнера, летевшего из Детройта в Мемфис, нервно дернулся в кресле:

– Командир, связь исчезла.

– Подумаешь, наверное, диспетчер выскочил на минутку в сортир. Сейчас вернется, – добродушно ответил тот.

– Да нет, я прошелся по частотам. Эфир пуст. Похоже, у нас поломка, хотя мне казалось, что это невозможно.

– Ладно, давайте вниз, посмотрим, что там, на земле случилось. Все равно скоро посадка.

Плавное опустив нос, самолет погрузился в сизую пелену облаков. Все члены экипажа в напряженном молчании смотрели перед собой. Время тянулось томительно медленно, казалось, пирамида из облаков упирается своим основанием прямо в землю. Но вот самолет выскочил из липких объятий.

– Что это? – изумленно воскликнул штурман, указывая на водную гладь под ними, простирившуюся от горизонта до горизонта.

– Наверное, Миссисипи, – сдуру брякнул второй пилот. – Мемфис же стоит на Миссисипи.

– Что это? – как бы у самого себя переспросил командир, не отрывая взгляда от бескрайнего водного пространства, на месте которого должны были выситься небоскребы. – Что это? – Он тяжело вздохнул и заявил тоном, не допускающим сомнений в собственной правоте. – Это – конец света.

Картина была впечатляющей: крутой холм, высящийся рядом с лесом, а на его вершине могучий дуб и огромный валун, чуть ли не на половину вросший в землю. Я остановил машину, сошел на землю с прогретого асфальта и щелкнул «мыльницей». Серо-зеленая ящерица, гревавшаяся на солнце, испугавшись странного звука, моментально юркнула в свою норку. Я двинулся вдоль холма в поисках подходящего ракурса для нового снимка. Легкий ветерок тормозил неказистую траву, словно убеждая пуститься в пляс, но та лишь лениво отмахивалась от него. Стая ворон на вершине дуба неодобрительно косилась на непрошенного гостя. Наконец я выбрал подходящее место, но сделать новый снимок не успел.

Сильный подземный толчок заставил меня пошатнуться. Второй, чудовищной силы удар бросил на землю. Я попытался встать, но земля подо мной ходила ходуном, словно там, внутри кто-то огромный очнулся после многовекового сна и теперь пытался выбраться наружу. На несколько секунд мое сознание захлестнул дикий, панический ужас. Раньше мне доводилось несколько раз попадать в экстремальные ситуации, но тогда не было столь явной угрозы жизни, к тому же выпутаться из них я смог благодаря собственным силам. Сейчас же я оказался целиком во власти внезапно разбушевавшейся стихии, и поскольку не мог ничего предпринять ради собственного спасения, то все больше и больше оказывался во власти страха. Тяжело умирать молодым, да еще так внезапно.

Чудовищное землетрясение прекратилось резко, без перехода от сильных толчков к слабым, будто кто-то свыше дал команду немедленно прекратить безобразие. Я мгновенно вскочил на ноги. На память о себе землетрясение оставило незначительные ушибы, но неведомое чувство подсказывало, что самое страшное еще впереди. То же чувство заставило меня что есть сил броситься вверх по холму, который, на удивление, почти не пострадал от кошмарного катаклизма. Устоял и дуб, а вот валун вывернуло из земли и прибило к дереву.

Тяжело дыша, я взлетел на вершину холма. Мне не удалось толком осмотреться по сторонам, поскольку мое внимание привлекла странная линия горизонта. То есть в самой линии не было ничего необычного, но вот ее поведение... Линия стремительно приближалась. Сначала я решил, что дело не в горизонте, а во мне самом. Все-таки падал на землю, может, в панике не заметил, как приложился головой к какому-нибудь булыжнику, и теперь мерещатся всякие глупости. Я еще раз пристально взгляделся в неблизкую синеву и ахнул от изумления: та разделилась на две части, верхнюю и нижнюю, и вот эта нижняя на громадной скорости неслась прямо к холму. Еще несколько секунд потребовалось мне, чтобы убедиться в верности своей догадки: то, что я принял за движущуюся линию горизонта, на самом деле было гребнем огромнейшей приливной волны, вызванной землетрясением. Я не стал задавать себе вопрос, что делает приливная волна во многих тысячах километров от ближайшего океана. С невесть откуда взявшейся сноровкой, впрочем, подтверждающей теорию старика Дарвина, я вскарабкался на дерево и с ужасом стал ждать неизбежного.

Через минуту клокочущий вал достиг подножия холма, с хищным урчанием поглотил его весь, до макушки, и понесся дальше, волоча за собой вырванные с корнем деревья, картонные и пластиковые ящики, прочий мусор. Под чудовищным напором воды дуб накренился, но устоял, могучие корни не позволили вырвать дерево, сумели одержать победу в яростной схватке за жизнь. Вскоре вода начала спадать, обнажилась верхушка холма, на которой уже

не было валуна, затем его склоны, изувеченные водой, с проплешинами вырванного дерна и глубокими вымоинами. Но прошло еще несколько часов, пока вода не спала окончательно.

Я не без труда слез с дерева. Пережитое выплеснулось чудовищной усталостью, будто я неделю валил лес или таскал мешки с цементом. Усевшись на мокрую землю и прислонившись спиной к шершавому стволу, я осмотрелся по сторонам. Мое внимание привлек легковой автомобиль, неведомым образом оказавшийся рядом с поваленным лесом. С такого расстояния я не смог разобрать марку машины, но не решился подойти, чтобы выяснить это, а также то, есть ли там люди. Поскольку был абсолютно уверен – никого живого в легковушке быть не может. И тут же радость по случаю спасения собственной жизни заглушил все разрастающийся ужас – а что же случилось с остальными, живы или погибли в жуткой катастрофе? Я вскочил на ноги, оттолкнувшись от дерева, дважды за сегодняшний день спасавшего мне жизнь. Первый – когда я мчался по шоссе навстречу катастрофе и, заметив растущего на холме гиганта, свернул с дороги, чтобы запечатлеть это чудо. Я непроизвольно оглянулся. Моей машины на месте, естественно, не было. Бушующий поток уволок ее неведомо куда, в качестве компенсации за утраченного «Фолька» доставив другую машину, искореженную и страшную тем, что могло оказаться внутри ее. Увы, я понимал, что очень скоро мне доведется увидеть куда более ужасные картины. Я спустился с холма и зашагал на запад, туда, откуда пришла волна.

На первый труп я наткнулся уже через несколько сот метров. Человек лежал вниз лицом, широко раскинув руки, словно обнимая землю, которую он покинул еще живым, а вернулся уже мертвым. Я застыл на месте, не в силах ни приблизиться, ни уйти прочь. Нельзя вот так, сразу, привыкнуть к тому, что покойники могут лежать никому не нужные, оставленные на поживу стервятникам. Затем я еще несколько раз встречался с жертвами катастрофы, и они уже не приводили меня в шоковое состояние. Второго я даже прикопал найденной на дороге лопатой, но этим и ограничился. Покойников было много, а я один, совсем один, и на все мои крики отзывались лишь стаи испуганных птиц.

Через час я оказался на берегу океана. Еще вчера, чтобы добраться за такое время до ближайшего морского берега, понадобился бы сверхзвуковой самолет. Да и тот бы не уложился.

– Вот оно как, – бормотнул я и на всякий случай попробовал воду на вкус.

Как и следовало ожидать, она оказалась соленой. С минуту постояв в раздумье, я вдоль берега двинулся на юг. Над головой с оглушительным ревом пролетел самолет. Еще не успев привыкнуть к новым реалиям, я поразился тому, как низко летел он над землей. И лишь позже догадался – летчик ищет место, где бы он мог посадить свою громадину.

Я прошел всего несколько километров и снова уперся в водную гладь. Теперь океан был и впереди и справа.

– Неужели я на острове? – мелькнула неприятная мысль.

Но тщательно обдумать свое положение мне не довелось. Над океаном показался еще один самолет. Он летел очень низко и медленно, совсем медленно. Скорости едва хватало, чтобы не дать лайнеру камнем упасть в воду.

– Кончается горючее. Наверняка пойдет на посадку.

Я машинально обернулся и посмотрел вглубь этого то ли острова, то ли материка, образовавшегося в результате катастрофы. В сотне метров правее почти сразу же за береговой линией раскинулось поле, довольно обширное и с достаточно плотным на первый взгляд грунтом. Но все равно на роль посадочной полосы для современных аэробусов оно мало подходило.

– К тому же во время землетрясения могли появиться трещины, – с ужасом подумал я.

Но экипажу самолета выбирать не приходилось. Лайнер выпустил шасси и устремился к земле. Я в ужасе отвернулся, ожидая взрыва, но до меня донеслись только негромкие звуки, похожие на скрежет. Учитывая разделявшее нас внушительное расстояние, вблизи наверняка стоял оглушительный грохот. Я со всех ног бросился к месту посадки и уже успел различить,

что у самолета сломано одно крыло, да и он сам лежит на брюхе – значит, действительно кончилось горючее, это и спасло людей от взрыва – и тут послышался рев еще одного аэробуса.

Как и всякий современный человек, я прекрасно знал о масштабах развития авиации. Но сейчас мне предстояло воочию убедиться в этом. Десятки тысяч пассажирских самолетов были построены к этому времени человечеством, многим из них удалось пережить катастрофу – большинству только затем, чтобы через несколько часов исчезнуть в морской пучине, но некоторым посчастливилось обнаружить землю – истерзанную, лишенную цивилизации, с разрушенными аэропортами и, соответственно, минимальными шансами на благополучную посадку. Но приходилось рисковать.

Я увидел, что самолет, приземлившись, несется прямо на меня. Я лихорадочно дернулся, соображая в какую сторону лучше бежать, но тут переднее шасси гиганта рухнуло в яму, лайнер уткнулся носом в землю, хвостовая часть мгновенно взмыла вверх, одновременно сминая в гармошку фюзеляж, и в этот момент прогремел взрыв. Столб нестерпимо яркого пламени взметнулся к небу, словно норовя опалить его, и тут же сник, увлеченный летящими по инерции обломками, среди которых наверняка были куски не только металла и пластика, но и человеческой плоти.

Но это была еще не трагедия, а только ее первый, не самый кошмарный акт. За каких-то полчаса в небе появилось несколько самолетов. Три из них улетели дальше, искать более подходящее место для посадки, а четвертый, настоящий гигант, видимо «Боинг 747», начал заходить на посадку, но не совсем обычную. Сделав несколько разведывательных кругов, экипаж самолета, высмотрел небольшой участок с пологими берегами и решил садить лайнер прямо на воду с тем расчетом, что его вынесет поближе к берегу. Но посадка не совсем удалась, самолет зацепил крылом волну, клюнул носом вниз и исчез. Я с надеждой ждал, что он вскоре выскочит на поверхность, ведь экипаж наверняка закрыл все воздушные клапаны, превратив лайнер в гигантский поплавок, но, увы. Слишком велика была скорость, слишком глубоко ушел он под воду, и безжалостное давление сплющило, раскатало «Боинг» в металлический блин, выдохнув на поверхность огромный воздушный пузырь.

Через минуту до меня долетело эхо дальнего взрыва. Еще один самолет, еще одна ненормативная посадка.

На какое-то время наступило затишье. Поскольку с момента катастрофы прошло уже больше пяти часов, я решил, что все, отлетались, бедолаги. Плохо же я знал возможности современной авиации. Очередной самолет долго кружил над полем и, наконец, решился. Посадка была выполнена мастерски. Невероятное везение или элементарная интуиция позволила экипажу избежать крупных неприятностей, ограничившись парочкой мелких. Лайнер застыл в сотне метрах от своего распростертого на брюхе собрата. Немедленно открылся люк, и оттуда полетело нечто, сначала показавшееся мне здоровенной надувной лодкой. На самом деле это был трап, предназначенный для такой вот аварийной посадки. Нелепо задирая ноги и опрокидываясь на спину, пассажиры с испуганными восклицаниями заскользили по нему вниз, на землю. Чисто внешне казалось, что толпа взрослых людей решила вспомнить детство и забавляется катанием на резиновой горке. Вот только время для своей забавы они выбрали неподходящее – всего через несколько часов после гибели человечества.

Но достаточно было взглянуть на лица оказавшихся на земле людей, чтобы понять – детские игры здесь ни при чем. Встревоженные, растерянные, многие со слезами на глазах, эти люди еще не знали правды, но чувствовали, что произошло нечто ужасное. Их уже обступили пассажиры первого самолета, которым было что рассказать своим товарищам по несчастью.

– Эй, русские среди вас есть? Кто-нибудь здесь говорит по-русски? – периодически восклицал я, блуждая в толпе.

Поначалу лишь раздающийся со всех сторон иноязычный гомон был ответом на этот отчаянный призыв. Но я не терял надежды, и, в конце концов, мои усилия увенчались успехом.

– Молодой человек, вы не меня ищете? – откликнулся высокий, с иголки одетый парень.

Я бросился к нему как к самому близкому родственнику, но незнакомец воспринял мое появление с куда меньшим энтузиазмом. Глядя куда-то в сторону, он не представившись, поинтересовался:

– Вы что, прилетели на другом самолете?

– Да нет, я сюда пешком пришел.

На лице незнакомца появилось выражение глубокой заинтересованности.

– Тогда может вы ответите, что стряслось? – воскликнул он, уводя меня в сторону от гомонящей толпы, – а то никто толком не может ничего объяснить. Только стюардессы ходят белые, как смерть.

Я в деталях рассказал незнакомцу о событиях подходящего к концу дня. Тот недолго осмысливал случившееся и отреагировал на все очень своеобразно.

– Так какого черта я четыре года сушил мозги этой дурацкой юриспруденцией? Кому она теперь нужна!

Похоже, именно это, а не смерть близких, не говоря уже об остальном населении Земли, огорчило его больше всего.

– Кстати, возможно, нас двое русских осталось. Давайте знакомиться. Меня Владимиром зовут.

– Давно пора, – подумал я, протягивая руку, – и откуда только такой самовлюбленный павлин выискался.

Оказалось – из Гарварда, куда Владимира пристроил его папаша, о деятельности которого любящий сын предпочел умолчать. Сдав экзамены, Владимир решил отдохнуть и поэтому вместе с однокурсником и двумя подружками оказался на борту самолета, летевшего из Лондона на остров Крит. Конец света расстроил их заманчивые планы, и Владимир искренне возмутился, что он не произошел на обратном пути.

Внезапно шум стих. В люке самолета показался человек в форменной одежде, видимо командир самолета. Люди, с надеждой глядя на него снизу вверх, стали подтягиваться поближе. Человек заговорил громким, хорошо поставленным голосом.

– Немец. Фиг поймешь, – огорченно бросил Владимир. – Меня, елы-палы, шпрехать не обучали, только спикать.

К счастью, молоденькая стюардесса, занявшая место командира, перевела речь своего шефа на английский.

– Этот рейс летел из Франкфурта в Сингапур. Поэтому у них хватило горючки забраться на сто километров вглубь, а потом махнуть двести на север. Нигде никаких признаков оставшихся в живых людей. Везде хаос, смерть, разрушения. К тому же они заметили что-то, похожее на развалившийся атомный реактор. Поэтому и вернулись сюда, тем более, что не нашли лучшего места для посадки. И еще. Они прочесали весь эфир, но никто не отозвался, – перевел Владимир.

– Ну, дела, – протянул я, – значит, большей части Европы в природе не существует. И Азии, скорей всего, тоже. Может Америка уцелела или Австралия? Ладно, чем гадать, лучше делом заняться. Ты скажи начальнику, чтобы организовал народ. Надо из леса притащить дрова, развести костер побольше.

– Да, хоть и лето, ночи здесь прохладные.

– К тому же огонь в ночи издали виден. Если уцелел кто в окрестностях, сообразит сюда явиться.

Но поход за дровами пришлось отложить. На дальнем конце поля показалась внушительная процессия человек в двести.

– Значит еще один самолет уцелел. А я думал все они ляснулись при посадке, – облегченно вздохнул Владимир.

Радость переросла в ликование, когда выяснилось, что самолет летел из Швейцарии в Москву, и половина пассажиров была из России. Какое же это счастье – в такое ужасное время оказаться среди своих!

– Молодой человек! – ухватив Владимира за руку, воскликнул с характерным акцентом пожилой мужчина. – Вы, случайно не сын уважаемого Льва Израильевича Гринберга?

– Нет, – с оскорбленным видом ответил Владимир. – Я сын Николая Пахомова.

– Очень жаль, – разочарованно пробормотал старик. – А как похож, как похож.

– А вы кто? – в свою очередь поинтересовался я, хотя видел, что Владимир не горит желанием знакомиться.

– Я? – старик как-то подозрительно покосился на меня. – Не скажу, а то будете смеяться.

– Да бросьте вы. Сейчас не до смеха. А узнать друг друга все равно придется.

– Ну, хорошо, – старик ничего не мог противопоставить этому доводу. – Я Штирлиц.

– Вы – Штирлиц? – фыркнул Владимир. – В таком случае я – Мата Хари.

– Да нет, вы не так поняли. Меня зовут Яков Абрамович Штирлиц. Двадцать лет я жил спокойно в прекрасном городе Одессе, а потом вышел этот дурацкий фильм и исковеркал всю мою жизнь. Пришлось эмигрировать в Израиль.

– Только из-за фильма? – с сомнением спросил я.

– Э... Если честно, то не совсем. Хотя сейчас это уже не имеет ни малейшего значения.

Разговор с однофамильцем штандантер-фюрера СС затянулся, и больше ни с кем в спокойной обстановке познакомится не довелось. До наступления темноты осталось меньше часа, и все срочно отправились за дровами. Во время работы Штирлиц в общих чертах рассказал о летевших вместе с ним российских гражданах.

– Больше трети из них – бизнесмены самого разного пошиба. Между прочим, среди пассажиров есть два уголовных авторитета. Один – вор в законе, другой рангом пониже. Еще почти треть – всякие чиновники. Остальные – сборная солянка, несколько ученых, артисты, спортсмены. Рабочие и колхозники отсутствуют.

– И откуда он за столь короткий срок собрал такую информацию. Может, благодаря фамилии? – удивился я, но вслух спросил совсем другое.

– Скажите, а вы к кому себя относите: бизнесменам или сборной солянке?

– А почему вы решили причислить меня к русским? Я вообще-то космополит. Судите сами. Родился в Одессе, что сейчас в самостийной Украине, выехал на историческую родину, живу в Штатах, по делам одной швейцарской фирмы летел в Россию, – ответил Штирлиц, поднимая меньшее из двух лежащих перед ним бревнышек.

Был в рассказе старика какой-то нюанс, подсознательно сильно обеспокоивший меня. Но только на следующий день я наконец сообразил, что именно заставило меня так встревожиться.

Ночь для большинства уцелевших прошла в мучительных раздумьях. Что делать? И дальше скорбеть о трагической судьбе человечества или хоть как-то позаботится о собственной? И ради чего поддерживать свою жизнь? Чтобы всего за несколько лет дойти до состояния первобытной дикости или в надежде на скорую помощь из Америки или Австралии? А, может, не прокрученные многократно мысли, а самый обычный инстинкт самосохранения руководил действиями каждого уцелевшего. Всех, но только не членов экипажей трех самолетов. Постоянная готовность действовать в экстренных ситуациях и сейчас помогла выбрать если не самое, то уж наверняка весьма разумное решение.

Едва рассвело и люди, стряхивая с себя оцепенение бессонной ночи, принялись, кто мысленно, кто, объединившись с друзьями изводить себя, еще и еще раз переживая случившееся, над уцелевшим «Боингом» взвилась сигнальная ракета. Я с Владимиром, как и все, двинулся

к самолету. Там, по примеру своего немецкого коллеги, намериваясь использовать люк как трибуну, стоял мужчина лет сорока пяти в летной форме.

– Я – Джордж Мюррей, – сказал он по-английски, и эту фразу я понял без переводчика. Все остальное вложил мне в уши Владимир.

Для начала англичанин сообщил, что экипажи самолетов предложили ему возглавить колонию, если, конечно, у собравшихся не будет других кандидатур. Других кандидатур не оказалось. Все дружно проголосовали за Мюррея. Тот поблагодарил вскользь за оказанную честь и продолжил. Всего на трех самолетах летело около семисот человек, из них почти триста англичан и американцев, двести немцев, около ста русских и примерно столько же японцев, французов, итальянцев и других народов. Будучи по натуре оптимистом, Мюррей, однако, не исключал и самого худшего, то есть того, что помощи мы не дождемся, и придется устраивать жизнь собственными руками. А делать это, естественно, лучше всего сообща, значит должен быть единый язык общения. Им ввиду преобладания говорящих на нем и общемировой практики, должен стать английский, которым в кратчайшие сроки обязаны овладеть все без исключения колонисты.

Пока вчерашняя симпатичная стюардессочка переводила слова Мюррея на немецкий, Владимир успевал изложить их по-русски. Весть о том, какую именно проблему надо решать в первую очередь, вывела меня из себя.

– Идиоты! Сейчас действовать надо, а не иностранным языкам обучаться.

Словно услышав меня, Мюррей сказал, что у нас практически нет продуктов, а из оружия всего несколько пистолетов с ограниченным боекомплектом, поэтому на охоту рассчитывать не приходится. Зато буквально рядом находится океан, и стоит подумать о том, как наладить рыбалку. Если сумеем обеспечить себя пищей, то можем спать спокойно – таков был смысл заключительной части речи англичанина.

– Ага, раскатал губу, – хмыкнул я. – Он забыл про русские морозы. Дома строить надо. Не все же ночевать у костра да в самолетах.

И тут я понял, что так встревожило меня во время беседы со Штирлицем. Люди, пассажиры самолетов, мои товарищи по несчастью. В большинстве своем это были вчерашние хозяева жизни: банкиры, политики, бизнесмены – сегодня люди совершенно бесполезные. Что толку в нынешнем положении от умения банкира правильно вложить деньги? Или от способности политика шестым чувством определить, кого на грядущих выборах признать своим хозяином. Все эти господа будут обузой, если только не найдут в себе еще какие-то способности. А как это сделать при такой постановке вопроса?

– Пошли! – твердо сказал я, потащив Владимира за собой.

– Куда? – слабо изумился тот, но я молча двинулся к самолету.

С помощью протянутых веревок кое-как вскарабкавшись по надувному трапу, я встал рядом с Мюрреем.

– Еда – дело святое, – немного иронично начал я. – Но чтобы уцелеть, этого маловато будет. Если мы здесь застряли всерьез и надолго, надо уже сейчас готовиться к зиме, строить дома, запастись дрова. И глупо было бы полагаться только на собственные силы, когда есть и другие варианты. Да, приливная волна утопила большинство живших здесь людей, но наверняка оставила то, что может выручить нас. Запасы еды, орудия труда и многое другое, что сейчас разбросано по этой земле. Понимаю, это звучит кощунственно, словно призыв к мародерству, но усопшим уже все равно, а нам это не даст к ним присоединиться.

– Эй, мужик, – раздалось по-русски, заглушая перевод Владимира. – Ты что, умом тронулся? Где что разбросано?

Тон был вызывающий, наглый, поэтому и я ответил той же монетой:

– Ты, прежде чем языком, сначала бы мозгами пошевелил, если они у тебя, конечно, есть. Мы же не в пустыне или сибирской тайге очутились. Эти места раньше были основательно

обжиты, кругом деревни, города. Не может быть, чтобы из них все добро волной смыло. Наверняка много вещей осталось. Покойникам они ни к чему, а нам позарез нужны. И еще. Надо почаще стрелять из ракетниц. Глупо экономить заряды. Если австралийцы или американцы уцелели и развернули спасательные работы, нас и так найдут, а вот случайно уцелевших людей, мы хотя бы частично собрать сумеем. И им хорошо, и нам польза, если среди них окажутся крестьяне, рыбаки, плотники.

Я еще не знал, что уже ночью на свет костров к нам вышло несколько десятков человек. Днем этот процесс продолжился. Большинство вновь прибывших подробно описывали свои вчерашние злоключения, удивляясь тому, какие мелочи порой оказывают влияние на судьбу, горько оплакивали гибель родных. Но бывали и исключения.

Явившийся около полудня низкорослый мужичок неопределенного возраста озадачил нас удивительным вопросом:

– Ну и денек вчера выдался – ничего не помню. Не томите душу, братцы, скажите – где это я оказался?

– В России, дед, точнее бывшей России, – отвечал я.

– А почему бывшей? Нас что, завоевали? – изумился тот.

– Да ты что, не знаешь, что вчера произошло? – настала моя очередь удивляться.

– Не-а. Я вчера пьяный был. Сильно пьяный. – И, как бы оправдываясь, пояснил. – «Алик» я. С тридцатилетним стажем.

Спихнул, значит, все свои прегрешения на сорокоградусного козла отпущения и облегченно вздохнул.

– Это же надо так напиться, чтобы прозевать конец света! – всплеснул руками Владимир.

– Какой конец света! Ты, парень, завязывай издеваться.

– А ты думаешь, летчики свои самолеты от нечего делать в этой глуши посадили? Особенно тот, что на брюхе лежит. Скучно им стало просто так летать, вот и решили поразвлечься, да?

Мужичок в раздумье почесал свою голову. Хорошо так почесал, обстоятельно – аж перхоть столбом.

– Дела, – наконец мучительно протянул он, поверив. – Ну дела. Лучше б я сдох. Где же теперь похмелиться?

– Да ты что! – возмутился я. Столько людей погибло, и твои близкие тоже, между прочим. А он – похмелиться.

– Так нету у меня близких. Кто помер, с кем разошелся. Так что роднее водки никого у меня не осталось. А ты, чем мораль читать, лучше бы рассказал поподробнее, что случилось.

На мое скорбное повествование мужичок отреагировал тоже весьма своеобразно:

– Ну вот, дождались! Хрен теперь за граница нам поможет. В кои веки русскому мужику самому выкручиваться придется.

– Видишь толпу, – охладил его пыл Владимир. – Из них русских и двухсот человек не наберется. Остальные – бывшие иностранцы.

– Почему бывшие?

– А потому, что нет теперь ни русских, ни немцев, ни французов. Остались только жертвы конца света.

Они двинулись к самолету, в котором Мюррей наладил перепись колонистов, в первую очередь интересуясь родом занятий.

– Кукуманя я, Григорий, – немного смущаясь, сообщил мужичок. – А вот насчет профессии ничего определенного сказать не могу. В колхозе трактористом работал, в городе – слесарем, бочки клепал, выдувал стекло разное.

– А что бы ты у нас хотел делать? – спросил, заинтригованный такой разносторонностью, Мюррей.

– А что угодно, если без ученых выкрутасов. В ядерной физике и прочих сопроматах я не силен, зато со всякой человеческой работой справлюсь запросто.

Как показало время, Кукуманя не хвастался. Он принадлежал к тому, не столь редкому типу русского человека, который в трезвом виде мог выполнить любое задание, не требующее университетского образования. И если в каком-то деле не было узких специалистов – а их не было почти всегда – Григорий храбро брался за него и с блеском доводил до победного конца.

Вскоре он стал чем-то вроде живой палочки-выручалочки – когда работа грозила пойти прахом, срочно звали Кукуманю, и в большинстве случаев он спасал казалось бы безнадежно загубленное мероприятие. Но, конечно же, один Григорий не мог заменить всех колонистов, половина из которых считали грабли новой разновидностью клюшки для игры в гольф. К тому же со временем у Кукумани появилась возможность проявить во всей красе не только свои достоинства, но и недостатки.

Прошло несколько дней. Надежд на то, что катастрофа пощадила какой-нибудь материк или хотя бы пару-тройку достаточно развитых стран, откуда и придет долгожданная помощь, оставалось все меньше. Зато численность колонии за это время увеличилась почти на сотню человек. Причем это был не балласт типа чиновников или банкиров, а именно те люди, благодаря которым мы получали шанс выжить: крестьяне, рабочие, уцелевшие во время катаклизма. Эти люди влились в состав колонии только из-за присущего им чувства коллективизма и, несомненно, уйди они все вместе подальше от нашей беспомощной оравы, то сумели бы выжить, не слишком напрягаясь. Здесь же им пришлось лезть из кожи, чтобы обеспечить самым необходимым и себя и несколько сот недавних вершителей их судеб.

Косвенным подтверждением того, что, по крайней мере, Старый Свет исчез в морской пучине, стал массовый прилет разнообразных птиц. Наша колония расположилась в юго-западной оконечности вновь образовавшегося материка и несколько дней тому назад бывшее самым оживленным в смысле движения авиалайнеров, сейчас это место стало сосредоточением множества птичьих стай, мечущихся в поисках новых мест обитания вместо исчезнувших старых. Пернатые жители южной Европы, западной Азии, северной Африки, чьи летные качества позволили уцелеть в битве со стихией, теперь спасались от врага не менее страшного – голода. Большинство из них так и не сумеет ничего с ним поделать, не сможет приспособиться к новому корму и вскоре погибнет. Но некоторые пернатые гости неплохо устроились на новом месте. Огромные пеликаны облюбовали себе небольшой островок примерно в километре от материка и, на зависть людям, активно принялись рыбачить. Похоже, рыбы хватало, и вскоре весь островок был буквально запружен пернатыми переселенцами. На самом материке, в нескольких километрах от лагеря, нашла себе пристанище стая фламинго. Эти прекрасные птицы облюбовали неглубокое озеро, и теперь его берега, казалось, были покрыты прекрасным живым ковром. Кроме фламинго и пеликанов в окрестностях расселилась и масса других птиц поменьше, но названий большинства из них я не знал.

– А то и павлины прилетят? – мечтательно заметил Кукуманя, ошалело глядя на неожиданное птичье изобилие.

– Очень я сомневаюсь. Павлины – летуны неважные, вряд ли они сюда доберутся, – огорчил его Штирлиц.

Вместо павлинов появились черные грифы. Огромные твари не парили в облаках, терпеливо выискивая падаль как они делали в нормальных условиях, а лениво переползали от добыче к добыче, но ее все равно оставалось слишком много. И некому было шугануть падальщиков – кроме малочисленных людей, почти все остальные уступали им в силе.

– Если так пойдет дальше, то и мы, в конце концов, станем их добычей, – решил я и отправился к Мюррею.

Начальника лагеря я застал на берегу. Тот рассматривал прибитую к берегу лодку. Алюминиевая посуда на удивление хорошо сохранилась. Вот только штормом сорвало мотор да выдернуло из уключин весла. То есть вещь была почти целой, но для эксплуатации совершенно не пригодной. Именно эта мысль и удручала Джорджа больше всего. Лучше бы пробина в борту, но при этом сохранились весла – было написано у него на лице. Среди людей, окружавших начальство, находились и обе переводчицы: одна с немецкого, другая – русского. Французский Мюррей более-менее знал.

– Начальник, – воскликнул я, раздвинув толпу, – зачем посылать в город людей, которые нужны здесь?

По словам уцелевших местных километрах в двадцати севернее находился город с населением почти двести тысяч человек. Конечно, никто уже не надеялся, что его обитатели выжили, но там могло уцелеть множество необходимых нам вещей. Поэтому и была задумана экспедиция, в состав которой Мюррей включил почти всех местных жителей – мужчин.

– Ты разве никогда не слышал про русские морозы? – не давая Джорджу опомниться, продолжил я. – Через три месяца люди начнут мерзнуть, еще через два – умирать от холода. И в такой ситуации ты занимаешь дурным делом лучших специалистов?

– Но у нас почти нет инструментов. Я поэтому их и посылаю, чтобы они нашли все что нужно.

– Чепуха. Искать могут другие. А им надо срочно начинать работу. Сам подумай – разумно ли терять целую неделю, если необходимо за несколько месяцев обеспечить жильем почти тысячу человек. Мы же не можем всю зиму просидеть у костров.

Мюррей понес какую-то чушь насчет самолетов, в которых якобы может разместиться несколько сот человек, но я на корню зарубил его бредовую идею, задав один вопрос на засыпку:

– А кто-нибудь пробовал ночевать в самолетах при минус двадцати градусах?

В конце концов, моя активность возымела должное действие. Все умельцы были оставлены в лагере, а экспедицию сформировали из достаточно молодых, физически крепких пассажиров самолетов. Возглавил ее командир лайнера Франкфурт – Сингапур.

Вышли ранним утром – семьдесят человек, взволнованных, мрачных, томимых самыми тяжелыми предчувствиями. Хотя, казалось бы, чего беспокоиться – самое страшное, когда погибли родные и близкие и собственная жизнь висела на волоске, уже позади. Но нет, скорое знакомство с тем, что натворила стихия, когда знаешь, что предстоит новая встреча со смертью, но только догадываешься, каковы ее масштабы и формы, заставляла людей с тревогой и страхом делать каждый новый шаг.

Предвестником грядущих ужасов стал лес. Большинство деревьев было сломано или вывернуто с корнем, – несомненно, огромная удача с точки зрения запаса дров на зиму. Но вид мертвых деревьев, еще недавно представлявших собой единое живое целое заставил замолчать даже самых неисправимых оптимистов – была среди нас пара – тройка и таких. И одновременно – вот парадокс – в этом мертвом лесу ключом била жизнь. Птицы, бесчисленные птицы, порхали с дерева на дерево, выводили звонкие рулады, чистили яркие перышки. Но в основном они были заняты поиском корма – отчаянным, лихорадочным и напрасным, чувствовалось, что большинство этих птиц обречено, и скоро мертвый лес будет заполнен их окоченевшими тушками. И тогда форма придет в полное соответствие с содержанием и продлится это черт знает сколько десятилетий.

– Сдается мне, это еще цветочки, – пробормотал Владимир, идущий рядом со мной.

– Как бы от ягодок совсем не поплохело, – тоскливо ответил я.

Под ногами подозрительно зачавкало. Шедший впереди проводник остановился, растерянно повернулся к начальству.

– Тут завсегда сухо было. Эта часть леса повыше другой стоит, здесь никогда о болотах не слышали.

– Все ясно, можно смело идти дальше. Не могла же здесь меньше чем за неделю образоваться трясина. Это остатки приливной волны.

Но смело не получилось. Прямо из-под ног шедших впереди метнулась со злобным шипением темная гадина. Люди в страхе отпрянули назад, змея, довольная произведенным эффектом, уползла в противоположную сторону.

– Да не бойтесь, это ужак. Он вам ничего не сделает. А змеи, небось, все потонули, они хуже ужаков плавают, – успокоил перепугавшихся разведчиков проводник.

– А уж, что не змея? – хмыкнул Владимир.

– Во многих деревнях змеями называют только ядовитых гадов, – на всякий случай пояснил я.

В дальнейшем выяснилось, что проводник ошибался. Гадюки, оказывается, тоже умеют довольно неплохо плавать, и выжило их не так мало, в чем, увы, довелось убедиться колонистам.

Поваленные деревья сильно затрудняли ходьбу, а в искореженном до неузнаваемости лесу было очень непросто ориентироваться. Когда, усталые, мы, наконец, выбрались из него, оказалось, что проводник сбился с курса, взяв сильно вправо. До холма, являвшегося ориентиром, было не меньше километра. К счастью, уже не приходилось ежеминутно преодолевать рухнувшие стволы. Вообще меня сильно удивляло, что после землетрясения осталось так мало трещин, вновь образовавшихся пропастей и тому подобных вещей. Вне леса казалось, что никакой катастрофы и в помине не было, все осталось, как и раньше, и трава зеленеет и распустились полевые цветы.

Минут через десять вся компания из последних сил вскарабкалась на холм.

– Перерыв, – объявил командир, и все охотно попадали на свежее-выросшую травку.

Только проводник остался на ногах и с озадаченным видом напряженно вглядывался в даль.

– Отсюда уже должен быть виден город, а сейчас передо мной неизвестно что.

– Океан? – испуганно воскликнул Владимир. – Там на месте города океан?

– Не-а. Океан синий, а там все какого-то грязно-серого цвета, – отвечал проводник.

– А как иначе должен выглядеть издали разрушенный город? Именно – грязным, серым пятном, – вмешался я.

После этих слов наступила тишина и только два японца, сокрушенно глядя на дозиметры, что-то лепетали на своем несуразном языке. Вкусив прелести Хиросимы и Нагасаки, многие жители Страны Восходящего Солнца заимели чудную привычку во все поездки брать с собой миниатюрные радиометрические приборы и в любой критической ситуации первым делом сверять их показания. Иногда эта привычка раздражала, сейчас пришлось весьма кстати.

Командир пододвинулся к японцам. Поближе к нему уселся и Владимир.

– Что случилось? – поинтересовался я.

– Они не только косоглазые, но косноязычные. Пока разобрался в их английском. Короче. По их приборчикам в нашем лагере около тридцати микрорентген в час. Выше нормы, но жить можно. Здесь, на выходе из леса уже сто микрорентген.

– Значит где-то в тех краях, – я махнул рукой на север, – находился ядерный реактор...

– ...который разнесло во время землетрясения, – закончил Владимир. – Как бы нам не пришлось поворачивать оглобли.

– Да нет. Ты прикинь. Лес, даже поваленный – естественный заградительный барьер. Он уменьшил радиоактивность раза в три. Теперь же до города чистое поле. Вряд ли радиация увеличится больше, чем вдвое.

Я оказался прав. Когда разведчики подошли вплотную к городу, счетчики показывали всего сто тридцать микрорентген. Но в большинстве своем люди к этому моменту уже давно забыли про радиацию. Вид города, почти до основания разрушенного стихией, стал самым ярким воплощением происшедшей трагедии. Раньше мы только знали, теперь – видели. Сначала видели какие-то странные контуры вдалеке, затем стали встречаться трупы. Сперва один, затем второй, потом еще несколько. Кто-то из иностранцев, не выдержав, потребовал немедленно поворачивать обратно. Мозги ему вправили быстро, пояснив, что без еды и инструментов всех ждет точно такая же участь, а поэтому необходимо идти вперед, даже если для этого потребуется шагнуть по телам усопших. Эти слова были явным преувеличением, но когда ветер, изменившись, подул со стороны города, показалось, что именно так и будет. Смерд ощущался буквально физически, хотелось немедленно забраться в горячую ванну и долго-долго оттирать свое тело хорошо намыленной мочалкой. Только где те ванны с горячей водой. Нет их больше, ни одной не осталось на планете. То есть ванны еще можно было найти, а вот запустить в нее горячую воду – об этом не приходилось и мечтать. Вместо этого люди затыкали носы, кто платком, а кто, задирая рубашку, и упрямо двигались вперед.

Окраины города были, естественно, застроены новыми многоэтажными домами. Ни один из архитекторов, проектировавших эти здания, даже представить себе не мог, что землетрясение, которые здесь видели только по телевизору, доберется и до этих мест. Поэтому заботой о прочности, как и комфорте своих уродцев, их творцы себя особо не утруждали. А если учесть, что большая часть стройматериалов была лихо разворована и заменена обычным песком. Дома на песке – можно ли представить себе более легкую добычу для землетрясения? Наверняка при первых же толчках здания сложились, словно карточные домики. Во всяком случае, приливная волна накрыла уже исключительно развалины, ведь в противном случае дома, стоявшие торцом к налетевшему на них валу должны были уцелеть. Но нет, кругом одни руины. И только приземистый двухэтажный домик из кирпича устоял перед ударами стихии. Он уцелел почти полностью, даже крышу не сорвало, и только вместо окон, кое-где вырванных вместе с рамами, зияли рваные дыры. Я подошел ближе и над массивной дверью заметил вывеску «Агава. Изготовление надгробий и памятников». Какова ирония судьбы! Ведь уцелела именно та контора, чья продукция сейчас была нужнее всего людям. Вот только некому было побеспокоиться о том, чтобы установить памятники над могилами погибших. Да что говорить. Некому было даже собрать все тела и похоронить их в одной громадной братской могиле. Без памятников и даже без табличек. О нас не могло быть и речи. Если мы займемся покойниками, то очень скоро присоединимся к ним.

До города мы шли дружной толпой, словно ожидая внезапного нападения. Теперь же, чтобы справиться со стоящей перед нами задачей, необходимо было рассредоточиться, разбиться на группы. Командир, как бывший летчик, отлично это понимал. Он шустро и без суеты разделил нас на три отряда. Один состоял исключительно из англичан, второй преимущественно из русских, третий из немцев и примкнувших к ним представителей других национальностей. Грамотное решение. Люди, говорящие на одном языке, куда легче поймут друг друга и справятся с любым делом в два раза быстрее. Появилась надежда, что при удачном стечении обстоятельств мы уже к вечеру вернемся в лагерь. Но не тут-то было.

Только-только группы стали расходиться в разные стороны, как в нескольких шагах впереди меня раздался жуткий вопль. Я ринулся вперед и благодаря отличной реакции и быстроте сумел опередить толпу. Господи, ну почему ты не наградил быстротой и реакцией кого-нибудь другого?. Исключительно потому, что за сегодняшний день у меня успел выработаться иммунитет ко всякого рода кошмарным зрелищам, я сумел без тяжелых последствий выдержать очередное испытание на готовность жить в новых условиях. В центре улицы, опершись на бетонную глыбу, стоял один из разведчиков с изуродованным страхом лицом. Видимо, он решил прогуляться, пока мы совещались. И прогулялся – на свою голову. В нескольких шагах

от него лежал еще один покойник. Но не катастрофа стала причиной его смерти. Он умер совсем недавно, скорее всего утром. Точнее, был зверски убит. Его живот был вспорот, оттуда торчали ошметки внутренностей. Правая нога была целиком оторвана и лужа крови на шершавом асфальте еще не запеклась толком. Лицо мертвеца было искажено такой гримасой ужаса, что страх поневоле передался и всем нам.

– Что это? – испуганно выдохнул кто-то в толпе.

Кажется, это был я.

Ответом была гробовая тишина. Никто не мог даже представить, что за чудовище орудует в обезлюдевшем городе.

– Может у кого-то из тех, кто выжил, крыша со страха поехала? Вот он и режет всех подряд, – наконец предложил кто-то в толпе.

Мысль показалась разумной. В самом деле, только буйно помешанный способен на такое. Нормальный человек не станет вспарывать живот и выдергивать ноги. Да, каждому – свое. Одних катастрофа лишила жизни, других ума. Возникшее позже предположение, что во время катастрофы уцелел маньяк-убийца и теперь беспрепятственно творит все, что хочет, было подвергнуто сомнению, а мистическое высказывание в том смысле, что наряду с землетрясением и приливной волной на землю обрушились неведомые чудовища, вызвало общий нездоровый смех.

Тем временем командир, осмотрев изуродованное тело, замер над ним в растерянности. Неведомая опасность требовала принимать соответствующие решения. Но какие? Там, в небе, он был готов к любым неожиданностям, тем более что к большинству из них – террористы, отказ одного из двигателей, внезапные роды – их готовили заранее. Здесь, на земле, все оказалось сложнее. Как поступить в ситуации, о которой даже не упоминали инструкторы?

Громовое рычание мигом оборвало судорожные размышления начальника отряда. На обломке стены дома метрах в двадцати от толпы стоял огромный лев. Когда он успел появиться, откуда пришел – никто не заметил. Хищник был великолепен. Упитанный, с шикарной черной гривой, зверь явно содержался в цирке, а не влачил полуголодное существование в каком-нибудь убогом передвижном зверинце. Хищник плотоядно взглянул на толпу и снова зарычал. Инстинкт подсказывал, что после таких вокальных упражнений стоящее перед ним стадо должно удариться в бегство и тогда можно будет хорошо поохотиться. Впрочем, особого желанья охотиться лев не испытывал. Несколько дней он питался одной падалью, и вот сегодня удалось разжиться свежениной. Утолив голод, хищник отправился на поиски воды, а затем, погуляв несколько часов, снова вернулся к добыче. И что он увидел? Жалкие твари норвят увести лакомый кусок прямо из-под носа. Какая наглость! И почему они не спасаются бегством? Хотят с ним сразиться? Им же хуже. Сегодня утром он прикончил точно такого одним ударом когтистой лапы. А ведь у него есть еще и клыки.

Когда лев спрыгнул с обломка и медленно, крадучись, стал приближаться, командир, наконец, опомнился и выхватил пистолет. До зверя оставалась метров пятнадцать. Командир нервно даванул на курок. Раздался негромкий щелчок – и больше ничего. Все-таки его учили не лихо стрелять, а водить самолеты. А лев уже сократил дистанцию до десяти метров, присел, весь подобрался в комок и нервно заерзал задом.

– Дай сюда, – какой-то человек, как оказалось впоследствии полковник английской армии, выхватил пистолет из дрожащих рук, и передернув затвор, дослал патрон в ствол, приведя оружие в боевую готовность.

– Ба-бах! – выстрел прогремел своевременно, на мгновение опередив прыжок льва.

С одного раза уложить такую махину, конечно же, не удалось, но внезапно пронизавшая тело боль сорвала отлично подготовленную атаку. Лев снова рыкнул, теперь уже возмущенно – удивленно, мол, что за дела, мужики, и выпрямился во весь рост. Теперь у полковника был выбор, куда стрелять и, главное, время. Ухватив пистолет двумя руками, он всадил несколько

пуль в левую часть груди зверя. Лев рыкнул в последний раз, и огромная туша шмякнулась на асфальт.

– Готов! – облегченно выдохнул Владимир.

– Вот так был убит последний на Земле лев, – с некоторым сожалением добавил я.

– Ты, фраер, завязывай понты колотить, – раздалось у меня над ухом.

Я искоса взглянул на говорившего. Ну конечно, это был либо Антон Семенович Тихонин, либо Игорь Витальевич Мышкин, я пока точно не знал, кто из них есть ху. Кто, значит, Тихон, а кто Валун – именно к такому обращению они были куда привычнее, поскольку являлись уголовниками, да не простыми, а авторитетами. Тихон по слухам, даже вором в законе. Не зря же они летали в Швейцарию. Большинство крупных уголовников, уцелевших в лихие девяностые, теперь стали уважаемыми бизнесменами, и предпочитали вести дела с иностранцами.

Надо отдать авторитетам должное, они легко держали любые, самые неожиданные удары судьбы. С воли в тесную, вонючую камеру – нет проблем, из камеры в шикарный офис – всегда, пожалуйста, из офиса в бега – сколько угодно. Вот и конец света уголовники восприняли так, будто готовились к нему с самого рождения. Феноменальная приспособляемость, как у мушки-дрозофилы. И столько же, сколько у нее, мозгов. На двоих. Даже представить невозможно, что они сумеют выучить ставший обязательным для всех английский. Да что английский. Пару дней назад молоденькая переводчица, сопровождавшая в Москву группу немецких бизнесменов, наслушавшись речей авторитетов, удивлялась:

– Мне сказали, что они русские. Почему же они разговаривают на каком-то странном языке?

– Они не разговаривают, а ботают по фене. Это такой специальный язык русских уголовников, – охотно пояснил я. – Ясно, красавица?

Немочка действительно была хороша. Среднего роста, точеная фигурка, выразительное лицо с огромными карими глазами, обрамленное роскошными золотистыми волосами – а вы думали, я случайно рядом с ней оказался.

Штирлиц тоже обратил внимание на мои потуги и попытался наставить на путь истинный.

– Юрий, одумайтесь, вы совершаете большую ошибку. Посмотрите вокруг. На одну женщину приходится не менее двух мужчин. Что поделаешь, так исторически сложилось на международных авиалиниях. Представляете, какая вскоре будет конкуренция. Я не исключаю смертельных исходов. А вас угораздило выбрать одну из самых красивых. Поберегите свою жизнь, лучше обратите внимание на Евдокию, я вам настоятельно рекомендую.

– Авдотью! Штирлиц, да вы что, издеваетесь надо мной?

Евдокией звали молодую девушку, возвращающуюся из Швейцарии в Москву. С крушением советской власти наши женщины лишились одного из основных своих занятий. Исчезла необходимость толкаться в очередях, набивая различным дефицитом сумки до степени их полнейшей неподъемности для какой-нибудь француженки или итальянки, и гордо шествовать с ними домой, расталкивая на ходу пьяненьких мужиков и дефективных подростков. Лишившись столь милых их сердцу авосек, некоторые женщины принялись вместо них тягать штанги, гири и прочие тяжести, решительно вторгаясь в еще недавно исключительную вотчину мужчин – силовые виды спорта. Евдокия оказалась одной из лучших и теперь защищала, как могла, честь России то ли в борьбе на руках, то ли в поднятии тяжестей – до точного рода ее занятий мне не было никакого дела. Кстати, изящное имя Евдокия абсолютно не шло этой преемнице Геракла по женской линии. Очень скоро мы, разумеется за глаза, стали звать ее исключительно Авдотьей.

– Нет, Юрий, вы сами подумайте, ну кто из мужчин польстится на Евдокию. Только самые хлюпики, которым надо на кого-то опереться. Вам не придется прилагать особых усилий, чтобы одержать победу. Даже если из-за странности женской души она поначалу выберет

одного из них, в первую же брачную ночь она переломает ему все ребра. Тут просто нет других вариантов. Если он сумеет ее удовлетворить, это произойдет в порыве страсти, если нет – ну, вы сами должны знать, на что способна неудовлетворенная женщина. А вы – мужчина крепкий, не подкачаете.

– Знаете, Штирлиц, впервые в жизни вижу пошлого еврея.

– Я не пошлый, а практичный. А это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

– И вообще, вы, по-моему, слишком рано завели этот разговор. Сейчас надо думать о том, как бы уцелеть, а не о будущей семейной жизни, – решил я положить конец несвоевременной дискуссии.

– Э, нет, – категорично возразил Штирлиц. – Боюсь, тогда уже будет поздно. Я хочу, чтобы вы, Юрий, усвоили – в наших условиях женщину нужно выбирать не сердцем, а умом.

– Это почему же? – удивился я.

– Да потому, что идеал женщины, сложившийся за годы цивилизации, абсолютно нежизнеспособен в наших условиях. Хрупкая, нежная, изящная – забудьте об этом. Сейчас вновь все будет решать не ум, а сила, как и тысячи лет тому назад. Поэтому, и женщина должна быть крепкой и здоровой, способной родить сильных, здоровых детей, которые очень скоро станут вам не обузой, а опорой.

– Ну вот, вы уже и о детях заговорили.

– А иначе, какой смысл в том, что мы спаслись! – впервые за весь разговор повысил голос Штирлиц.

– Если вы так хорошо все обдумали, почему бы вам самому не приударить за Авдотьей? – с серьезным видом предложил я.

– Вы смеетесь, Юрий. Да стоит мне хотя бы заикнуться об этом – и на свете станет одним евреем меньше. А их и так уже мало осталось. А вам я настоятельно рекомендую – не поддавайтесь эмоциям, пусть всеми вашими действиями руководит разум.

Но я не внял доброму совету. Впрочем, об этом немного позже.

А сейчас мы стояли у тела убитого льва, последнего, как я уже отмечал, льва на планете, и командир о чем-то спорил с обступившими его людьми. После инцидента с хищником авторитет бывшего летчика как-то сразу улетучился, и тут же нашлись желающие оспорить его решения. Я учил английский в обычной школе и нормальном институте, и, естественно, понимал только отдельные слова. Уже позже мне объяснили, что обступившие командира люди требовали продолжать поиски общей группой. Мол, неизвестно, какие еще опасности нас поджидают, а с оружием крайняя напряженка. Но командир, в конце концов, отразил их наскоки, логично заметив, что вряд ли все уцелевшие хищники Земли решили собраться в этом городе, а, значит, с опасными представителями фауны в здешних краях покончено навсегда, и теперь следует бояться только обвалов полуразрушенных зданий, против чего, как известно, огнестрельное оружие бессильно.

Итак, мы разбились на три группы и двинулись каждая в своем направлении. Нам выпал центр города. Что и следовало ожидать. Вечно представители запада норовят спихнуть на русских самую грязную работу. То социализм строить, то с фашистами воевать, теперь вот это. Им хорошо – по окраинам пробежаться, а нам каково – в самую гущу.

С приближением к центру стало встречаться все больше не разрушенных или почти не разрушенных домов старой постройки. Оно и понятно – их купцы да фабриканты для себя и людей возводили, а не СМУ для каких-то жильцов. Вот и старались, чтоб на века. Жаль, судьба застигнутых катаклизмом жителей уцелевших домов от этого лучше не стала. Вот если бы стекла смогли выдержать напор воды точно так же, как стены – подземные удара. Увы, гигантский вал накрывал целиком все здания на своем пути, и потоки воды, врываясь в разбитые окна, заполняли все помещения от подвала до крыши, вытесняя спасительный воздух и обрекая людей на мучительное удушье. Не больше повезло и тем, кто при первых же

толчках успел выбежать на улицу. Мощный поток подхватывал их и с невероятной силой швырял на каменные стены домов. Мы видели, что стало с ними после этого – кажется, легче было вынести зрелище растерзанного львом человека. Не удивительно, что от всего этого многим из нас начисто отшибло память. Люди не то, чтобы забыли, с какой целью оказались здесь, а просто не могли думать ни о чем другом, кроме этой бесконечной череды зловещих картин, слишком наглядно говорящих о судьбе, постигшей человечество.

– Куда претесь, вашу мать! Я что, один за всех должен отдуваться?

Грубый окрик напомнил нам о необходимости действовать. Мы развернулись и с готовностью отправились туда, куда нам указывал среднего роста плотный мужчина лет пятидесяти – один из местных, сумевших уцелеть в недавнем аду. Не сразу нам удалось понять, что мы внутри бывшего хозяйственного магазина, настолько невообразимой оказалась смесь из товаров и стройматериалов, еще недавно создававших интерьер помещения. Пришлось основательно расчистить завалы, прежде чем мы получили доступ ко всем интересующим нас предметам. После этого начался форменный грабёж, во время которого регулярно приходилось сталкиваться с косностью и инертностью человеческого мышления. Уже в первые минуты я натолкнулся на очень довольного собой парнишку, радостно волокущего электродрель.

– А электростанцию к ней ты не забыл прихватить? – как бы между прочим спросил я у него.

– Какую электростанцию? – парнишка задал вопрос безмятежным тоном, он все еще считал, что речь идет о совершенном пустяке.

– Ну, чтоб электричество давало для этой штуки. Можно АЭС или ГЭС, без разницы.

– У-у-у, – разочарованно заскулил он, постигая суть, и с размаху шмякнул бесполезное изделие об пол.

Но это еще мелочи. Нашлись идиоты, выволокшие из магазина хрустальную люстру и холодильник. Ну не хотели люди жить без электричества, хоть ты тресни. Но большинство, конечно, понимало, что именно требуется в нынешней ситуации. Гвозди, молотки, плоскогубцы, миски, чайники, кастрюли и десятки, сотни других нужных вещей стали нашей бесценной добычей. Венчала этот пестрый ассортимент бензопила и набор замечательных топоров. Вещей было много, очень много, чтобы отнести их в лагерь, пришлось бы основательно загрузить чуть ли не половину всей нашей группы. А ведь это была лишь незначительная часть необходимых нам предметов.

– Не с того мы начали мужики, – заявил я, когда большая часть народа оказалась на улице. – Первым делом надо найти приличную машину, чтобы вывезти отсюда все это добро.

– Как же ты вывезешь, если дороги завалены? – резонно спросили у меня.

– А руки тебе для чего? Проще расчистить несколько завалов, чем таскать все это на своих хребтах. Сами видите, здесь одним заходом не обойдешься, придется раз десять мотаться туда-сюда.

Больше возражений не последовало. Да и это, единственное, было для меня совершенно неожиданным. Человечество давно привыкло во всем полагаться на технику, отучившись рассчитывать на собственную силу. А мы сейчас и были человечеством, делавшим первые робкие шаги по новому превращению Земли в планету людей.

На улицах различного транспорта хватало. Хотя большинство машин было довольно серьезно повреждено, среди них не составляло труда выбрать что-нибудь подходящее. Но тут выяснилось, что буквально в трехстах метрах от магазина находятся гаражи. Восемь рядов, состоящих из множества одинаковых боксов, растянулись на несколько сот метров. Часть гаражей развалилась под напором стихии, часть погребли обломки соседних зданий, тем не менее, здесь наверняка имелось немало превосходно сохранившихся легковушек. Но для перевозки грузов требовалось несколько грузовиков, а еще лучше – фургонов. Легковушки для наших

целей подходили не очень. Но как-то так вышло, что мы дружно оказались в самом центре автогородка.

Мне, скажем прямо, было не по себе. Все же собственность, пусть уже и ничья, но все равно не наша. К тому же оставался микроскопический шанс, что владелец какой-нибудь из этих машин еще жив. Другое дело автомобили на улице. Там практически все ясно. Пока я терзался сомнениями, раздался громкий лязг. От могучего удара топора дужка навесного замку открылась, тут же распахнулась дверь гаража, и раздался дружный вздох разочарования.

– «Ока». На ней только тещу из крематория забирать, – выразил кто-то членораздельно общее мнение.

– Помогите, помогите! – донеслось вдруг откуда-то слева.

Неприятный инцидент со львом приучил нас реагировать на любую неожиданность определенным образом. Успевшие вооружиться в хозтоварах, кто с топором, а кто с ломом наперевес, двинулись вперед. Это был наш боевой авангард. Остальные, похватав булыжники поуевестее, пристроились сзади. Шли в полной тишине, напряженно озираясь по сторонам.

– Помогите, – раздалось снова, но в голосе уже не было надежды, явно ощущавшейся в начале.

Кричали где-то впереди нас, но, насколько хватало взгляда, а его хватало изрядно, там никого не было.

– Эй, есть кто живой? – не выдержав, нарушил тишину один из шедших в авангарде.

– Есть, я пока живой. Выпустите меня отсюда. Пожалуйста!

Ну вот, ситуация прояснилась. Обломок рухнувшего здания заблокировал дверь одного из гаражей, в котором на свою беду, а может и счастье, оказался владелец. Бетонная глыба весила не меньше тонны, но мы, объединив усилия, сумели отодвинуть ее настолько, чтобы пленник выскользнул из жуткой ловушки.

– О, вы уже кучкуетесь помаленьку, – заметил он, когда иссякли эмоции по поводу счастливого освобождения.

Что значила эта фраза, мы поняли только тогда, когда спасенный рассказал свою историю. В последнее время, находясь один в гараже, он всегда закрывался изнутри на защелку, страхуясь таким образом, от грабителей. Сказывалось регулярное чтение прессы и ежевечернее бдение у телевизора. Это его и спасло. Будь дверь распахнута, глыба превратила бы ее в щепки, и тогда... Но дверь была закрыта, просочившаяся вода почти вся ушла в подвал. Когда стихия утомилась, мужчина попытался выбраться из гаража, но, естественно, не смог. Тогда он стал звать на помощь. Никто не откликнулся. На следующий день он услышал чьи-то шаги и вновь закричал. Увы, то была женщина. Она ничего не смогла поделать с обломком, зато рассказала о том, что произошло, и пообещала разыскать кого-нибудь, кто сможет помочь, но до сих пор так и не вернулась.

Теперь стало понятно, почему мужчина так отреагировал на наше появление. Он уже знал в общих чертах о происшедшем, только несколько оптимистично оценивал количество уцелевших. Мы не стали его разочаровывать, тем более что были дела поважнее. Спасенный нам здорово помог, указав гаражи, где находились автофургон «Мицубиси» и несколько джипов. Мы не без проблем отогнали технику к «Хозтоварам», загрузили в «Мицубиси» добытый скарб и двинулись дальше. Но недалеко ушли. Если джипам еще как-то удавалось лавировать между развалинами, то «японцу» с его низкой посадкой и небольшими колесами на таких дорогах ловить было нечего. Пришлось оставить фургон, рассчитывая забрать его на обратном пути. Тем временем пошел уже пятый час. Мы явно не успевали покончить со всеми делами до наступления темноты.

Но нам повезло. Очень скоро мы нашли то, что искали – большой универсам, вероятно один из крупнейших в этом городе, почти не пострадавший от землетрясения. Судьбу его работников и покупателей решила вода. Если бы здание стояло на холме, возможно послед-

ствия были бы совсем иные. Но нет, его выстроили в низине и, наверное, было бы лучше, если бы мы пошли другим путем, не заметили его. Потому что на улице трупы можно было обойти, а здесь дороги выбирать не приходилось, следовало добраться до продуктов, что бы не стояло на пути.

Но отрицательные эмоции вскоре были полностью уравновешены положительными. В универсаме оказалось огромное количество самых разнообразных консервов. Это потом, когда консервы, долгое время бывшие единственным источником мясной пищи, стояли всем поперек горла, на них не возможно было смотреть без содрогания. А в тот момент мы помнили только одно – в лагере почти тысяча человек, и их надо обеспечить по крайней мере на четыре месяца калорийной и не требующей особого приготовления пищи, чтобы можно было все силы бросить на строительство теплого жилья. И тащили без разборки банки с тушенкой, шпротами, сардинами в масле, килькой в томатном соусе, какими-то подозрительными консервированными тефтелями, а если попадалась икра, то жадно хватали и ее – черную, красную и кабачковую. Вскоре один из джигов был забит под завязку и мы отправились к фургону – разгружаться.

Покончив с белковой пищей, мы переключились на другие продукты, добрым словом вспоминая того, кто придумал расфасовывать продовольственные товары в полиэтиленовые пакеты, и продавцов, наловчившихся завязывать эти пакеты мертвыми узлами. Сколько раз в прошлом, возвратившись домой с пакетом гречки или лапши, я злобно чертыхался, безуспешно пытаюсь развязать этот гордиев узел и в конце концов, жалко пародируя Александра Македонского, разрезал его тупым ножом. Теперь же надежно завязанные пакеты отразили все поползновения воды сгноить затаренный в них товар. Через сорок минут и второй джип был загружен до самой крыши.

И все было бы хорошо, если бы кто-то из нас случайно не наткнулся на вино-водочный отдел. Хотя нет, конечно же не случайно. Все мы прекрасно знали, что в таких солидных магазинах обязательно должно быть спиртное и каждый из нас после всего пережитого с удовольствием хряпнул бы рюмку водки. Просто одни понимали, что сейчас не время расслабляться, иначе можно не выжить, а другим было наплевать на все, кроме своих сиюминутных желаний. А тут еще наш общий командир, буревестник воздушного флота, дятел хренов, черт бы его побрал. За столько лет не усвоил элементарную истину: в любом деле должен быть порядок, а значит начальник, за этот порядок отвечающий. Конечно, он понятия не имел, кто среди русских пользуется наибольшим авторитетом, да мы и сами за такое короткое время не определились с этим вопросом, но ведь у них имелся список, где указывался род занятий каждого из нас. Могли, в крайнем случае, назначить главного, сообразуясь с этим списком. Нет, устроили нам Новгородское вече. Прямо скажем, до встречи с водкой это был не самый плохой вариант. Но когда пришло время командовать, оказалось, что некому.

– Мужики, глупо сейчас водку пьянствовать. Сначала надо с делами разобраться, а тогда... – пытался я урезонить классическую тройцу, хлеставшую сорокоградусную под соленые огурцы и сомнительного вида копченое мясо.

– Пошел на..., – ответили мне как можно короче, не желая отвлекаться надолго от важнейшего занятия.

Положение становилось не просто угрожающим – критическим. Примерно четверть народа уже культурно отдыхала, а еще как минимум столько же – было видно по лицам, колебались, готовые немедленно к ним присоединиться. И начнется гудеж по полной программе «Что за пьянь, раз драки нет» – при отсутствии женщин этот лозунг становился особенно актуальным. Да и без драки несвоевременная пьянка грозила сорвать все наши планы.

Спасение пришло, откуда не ждали. Порядок взяли с навести Валун с Тихоном. К этому времени они уже успели стакнуться со здоровенным бугаем лет двадцати пяти и теперь втроем обходили окрестности вино-водочного отдела, пинками вышибая оттуда лакомящихся водкой

граждан, предварительно конфискуя у них выпивку. Сильно никого не били, да этого и не требовалось. Одного вида трех звероподобных морд хватило, чтобы даже самые лучшие друзья зеленого змия мгновенно превратились в сторонников трезвого образа жизни. А, казалось бы, что уголовники должны были первыми ухватиться за бутылку. Ну, рядовые урки именно так бы и сделали. Но не зря эта парочка ходила в авторитетах, знала, что такое власть и как ее добиваться. Мигом все просчитали, сволочи. Учли вакуум власти среди русской части колонии и сообразили, что именно сейчас наиболее благоприятный момент для демонстрации своей силы. Чтобы люди убедились – не ради собственной прихоти они ее используют, а для наведения столь нужного порядка. Психологи, мать их за ногу, принялись ковать железо, пока оно в самом жару. Увы, авторитеты оказались гораздо умнее, чем я думал.

– Так, – внушительно произнес Тихон, давая понять, что с этого момента он берет руководство в свои руки. – Жратвы мы набрали, но этого мало. Надо ошмонать еще парочку магазинов и найти приличную тачку, бо эти уже забиты. Что еще?

– А аптека. Вы забыли про медикаменты. Человек уже отвык жить в таких условиях, начнутся болезни, может даже эпидемия. Надо запастись лекарствами, забрать все, что только найдем.

– Главное – не забыть прокладки «Олвейз», – брякнул какой-то шутник.

Тихон уставился в сторону говорящего взглядом, которому могла позавидовать сама Медуза Горгона. При этом авторитет чуть заметно шевелил губами, видимо вспоминая подходящие для такого случая общечеловеческие выражения. Но ничего приличного на ум так и не пришло, а использовать вульгарный мат Тихон поостерегся. Дипломат. Так бы и ограничился взглядом, но тут вспомнил и ткнул в шутника пальцем:

– Ты, анархист, дуй за тачкой и смотри, чтоб вещь была, а не дерьмо собачье.

Дав работу одному, Тихон немедленно озадачил и остальных:

– Айда за мной. Брать жрачку и «колеса». Сколько там осталось до сходки?

– Три часа, – услужливо подсказал кто-то из толпы.

И хоть не удержался Тихон, поневоле вставил в свою речь блатные словечки, мы прекрасно поняли, что означает «сходка» и «колеса», мигом высчитали, что нам осталось два часа на поиски лекарств и час на обратную дорогу.

Но уже через пять минут стало ясно, что мы не уложимся в график, причем по вине Тихона и его подручных. Им на глаза попался ювелирный магазин. Ах, как, наверное, жалел Тихон, что этого не случилось на пару часов раньше, когда он еще не стал нашим лидером. И плевать, что сейчас золото и бриллианты утратили прежнюю ценность. Для авторитетов драгоценности оставались символом воровской удачи, с первых дней своей урочьей жизни они мечтали безнаказанно обчистить такой магазин. Мечтали даже, тогда, когда пооткрывали внушительные счета в иностранных банках. И вот мечта становилась явью. И что, в такой момент отказываться от нее только потому, что она не соответствует твоему нынешнему положению? Тихон вновь поступил мудро, взяв на себя роль организатора и сделав своих корешей простыми исполнителями. Он подошел к полуразрушенному магазину и как бы между прочим заметил:

– Надо бы прихватить кое-что для наших баб. Тяжело им сейчас приходится, а сунешь побрякушку – уже какая-то радость. Тем более, много места брьюлики не займут.

Эта трогательная забота о женщинах произвела такое сильное впечатление на Валуна и его здоровяка-приятеля, что они немедленно бросились во внутрь и принялись лихорадочно набивать карманы перстнями, кольцами, брошами, ожерельями. Некоторые из нас, кто попроще, приняли слова Тихона за чистую монету и тоже решили порадовать женщин. Эти незваные помощники сильно мешали Валуно с напарником, и до нас то и дело доносился звенящий шепот:

– Не тронь, сука, урою! Видишь, вон бижутерия – ее и бери.

Люди быстро сообразили, в чем дело и, прихватив пару-тройку вещиц из янтаря или других недорогих камней, благоразумно ретировались. А славная парочка распоясалась окончательно. Здоровяк при виде такого дармового изобилия даже слегка тронулся умом. Заметив вывалившиеся из разбитой кассы доллары, он принялся их подбирать и с усилием втискивать в уже и так полностью забитые карманы.

– Не забудь рубли подобрать. На прошлой неделе знаешь сколько всего на них можно было купить, – не сдержался я.

Бугай недобро зыркнул – и только. Слишком уже был занят сбором бумажек, чью утраченную покупательскую способность гарантировало уже не существующее государство. Оставить это дурное дело он просто не мог. Много лет доллар являлся для него единственным богом и бросить здесь валюту было бы для него святотатством.

К следующей непредвиденной задержке Тихон и его кодла никакого отношения не имели. Надо полагать, они вообще ни разу в жизни не были в библиотеке и не видели никакого смысла в том, чтобы нарушить эту замечательную традицию. Но большинство остальных отлично понимало, какое огромное значение в нынешних условиях приобретают накопленные человечеством знания. Без книг мы были обречены на то, чтобы опуститься до натуральной первобытной дикости и только потом, если удастся к тому времени уцелеть, начать путь вверх. Книга позволяла избежать, пусть и не полностью, фазу одичания. Конечно, даже с книгами мы не могли восстановить энергетику, машиностроение, не говоря уже о компьютерах. Но мы могли сохранить знания о том, как это сделать до того времени, когда накопится достаточный человеческий потенциал. Другие же изложенные в книгах сведения, скажем, как выплавить сталь из металлолома или делать кирпичи, могли пригодиться уже сейчас.

– Продукты съедятся, одежда сносится, а знания останутся навсегда! – так ответил один из нас на безмолвный вопрос Тихона, – какого рожона вы туда претесь?

Библиотека была квадратным двухэтажным зданием. Крыша ее обвалилась, второй этаж был почти полностью разрушен. На наше счастье его занимали разнообразные коммерческие фирмы. Чем конкретно занимались фирмачи мы увидели, когда рискуя жизнью, поднялись вверх по наполовину обвалившейся лестнице. В одной из комнат, от которой остались лишь стены, мы заметили два обнаженных трупа. Мужчина был уже в годах. Женщина, возможно секретарша, заметно моложе. Мне их стало немного жалко. Вот судьба: весь отдаешься работе аж до оргазма, а тут хлоп! – конец света. Весь кайф обломал.

Сама библиотека, некогда раскинувшаяся на оба этажа, теперь состояла из одного, правда, большого помещения, одновременно являвшегося абонементом и читальным залом. Здесь гулял ветер, и стояли лужи воды. Все стеллажи с книгами были опрокинуты или сдвинуты со своих мест. Книги густо валялись на полу, и немало их, судя по всему, вымыло из здания потоком воды. Я наклонился, поднял первый попавший под руки том. Ну и ну, никогда бы не подумал, что книгу можно выжимать, словно обычную тряпку. Страницы ее сильно разбухли и стоило посильнее надавить на обложку, как вода бодрой струей хлынула вниз. Кстати, а что же это я ухватил? Ага, Р. Бауэр «Лечение аквариумных рыб». Очень актуально. Тем не менее я книжку открыл и даже попробовал листать. Но вовсе не потому, что меня так волновали болезни аквариумных рыб. Просто я хотел удостовериться, что книжка не разлезется в моих руках. Страницы были влажные тяжелые, поэтому они легко рвались и неохотно отделялись друг от друга. Но при определенной осторожности с этими проблемами не составляло труда справиться, а текст, несмотря на морскую купель, оставался четким, неразмазанным. Я с облегчением захлопнул книгу. Читать можно. Только не про болезни рыб. Найдём более достойную литературу.

– Получите, ублюдки! Хрен вам, а не английский язык! Ишь чего захотели – чтоб на нашей земле не услышать русского слова! А накося, выкуси!!!

Я моментально обернулся на этот ликующий вопль. У раскрытой двери, ведущей, как я очень скоро узнал, в книгохранилище, стояло несколько человек. Один из них и выразил столь непосредственно свои чувства при виде несметных сокровищ. Да, то, что мы обнаружили, было для нас неизмеримо ценнее, чем для Креза все его золото. В темном помещении без окон и с единственной дверью, находились десятки тысяч книг. И почти все они были на русском языке. Именно этим и объяснялась радость человека, которому иностранцы в очередной раз навязывали свою волю. Но не все коту масленица. Теперь заговорят ребята по-русски, все, до одного и как миленькие. Кто же решится передать монополию на знания в руки определенной группы людей? Так думал я, так думали мы, но, как оказалось, не все.

– Не суетитесь, братцы, – заявил мужчина лет сорока, с заметной сединой. – Может нам все-таки выучить этот чертов английский.

– А любовь крутить только с русскими женщинами? – как-то сразу уловив его замысел, спросил я.

– Да нет, зачем же. Можно и с иностранками, – утешил меня мужчина. – Главное, не обучать ее грамоте. Только детей. – Чувствовалось, что у него все продуманно, словно он знал заранее о библиотеке.

– Значит, мы будем чем-то типа касты жрецов, всезнающих и непогрешимых, а остальные превратятся в безмозглое, предназначенное для грубой, физической работы быдло? – прямо спросил я.

– Ну, зачем же так... мягко говоря, утрировать, – спокойно ответил мужчина. – Просто благодаря знаниям мы зайдем подходящее русскому человеку лидирующее положение в обществе. Решающим станет наш голос, а не каких-то там янки со швабами.

– А вам не кажется, что вы не совсем вовремя затеваете игры патриотов? Вряд ли все остальные захотят оказаться ущербными людьми, вторым сортом. Начнутся ссоры и конфликты. В нынешней ситуации это закончится плачевно для всех нас, – я говорил не для того, чтобы переубедить седого – для горбатого есть только одно средство исправления, мне необходимо было доказать остальным пагубность его намерений.

К счастью, дураков среди нас не оказалось. Даром я распинался, Люди и так все прекрасно поняли. Стоило седому раскрыть рот, чтобы возразить мне, как его довольно бесцеремонно перебили:

– Хорош нам лапшу на уши вешать. Тоже мне, нашел время для выведения сверхчеловеков.

– Ну, как знаете, – пробормотал седой, видя, что проиграл. – Потом вспомните мои слова, да поздно будет.

Прихватив каждый по несколько книг, мы вышли из библиотеки.

– Долго вы. Опаздываем, – недовольно пробурчал Тихон. – Может хрен с ней, с аптекой?

На него возмущенно загалдели со всех сторон. Видно, болячек хватало у многих, и перспектива провести остаток жизни без необходимых лекарств людей абсолютно не устраивала. Тихон моментально сдался, и мы двинулись на поиски аптеки.

И тут произошло неожиданное. Стоило Владимиру, шедшему с краю, остановиться, как к нему на плечо спикировало что-то маленькое, желтенькое – настоящий лимончик на ножках, и довольно внятно объявило:

– Гоша хороший! Гоша хороший... ур-р.

Гоша и в самом деле был прелесть. Яркий, пушистый, а главное – живой, что особенно грело душу после зрелища сотен и тысяч покойников. Маленький волнистый попугайчик, лишившийся хозяев и, к своему счастью, нашедший новых покровителей, Гоша расхаживал по плечу Владимира, тербил его волосы, и жизнерадостно чирикал, для разнообразия выкрикивая:

– Здравствуй, как поживаешь?... Опять картошка... Пошел к черту!

– Ну вот, теперь мы настоящие Робинзоны Крузо, – констатировал я, подойдя к Владимиру.

– Не вы, а я, – шутливо, но с затаенной гордостью произнес он и, скособочившись, взглянул на попугая, который явно признал его своим новым хозяином и с недоверием поглядывал на всех остальных.

Когда мы нашли и до последнего бинта обчистили аптеку, то уже опаздывали к месту сбора почти на час. Еще полтора заняла дорога. И все из-за «Мицубиси». Нам несколько раз приходилось останавливаться и убирать с пути обломки, чтобы фургон смог проехать. Можно было оставить «японца» и вернуться за ним позже, если бы не одно «но». Зайдя в небольшой продовольственный магазин, мы с удивлением поняли, что здесь день – два тому назад побывали люди. Не исключено, что они сейчас скрытно за нами наблюдают, не желая обнаруживать себя. Вероятность этого, конечно, невелика, но если дело обстояло именно так, было бы глупо оставлять фургон, в котором находилось столько ценных для нас вещей. И мы, шатаясь от усталости, продолжали с упорством муравьев расчищать дорогу для бесценного груза.

К месту сбора мы явились, когда уже начало темнеть. Одна из групп пришла сюда около часу назад, другая буквально перед нами. Не могло быть и речи о возвращении в лагерь, тем более что все настолько вымотались за день, что едва могли шевелиться. Было решено, что с утра несколько экипажей на джипах отправиться искать преодолимую для машин дорогу к лагерю, а остальные найдут себе какую-нибудь работу. Немного отдышавшись, я решил выяснить, что же добыли другие группы. Оказалось, что и они даром времени не теряли. Кроме продуктов и инструментов ребята прихватили целехонькую лебедку, кое-какую мебель, парочку неизвестных мне агрегатов. Все это было сложено на могучем «Урале», рядышком с которым приткнулся слегка помятый бульдозер. А довольные англичайники щеголяли ружьями и пистолетами, стало быть, их группа наткнулась на оружейный арсенал или магазин. Кроме того выяснилось, что найден склад стройматериалов, сильно пострадавший, но достаточно большой, поэтому там было чем разжиться, и несколько уцелевших цистерн с бензином, так что отпала необходимость вскрывать бензобаки у машин или взламывать им багажники.

Ночь выдалась не из приятных. Одеял было мало, на всех не хватало, а спать на сырой земле – удовольствие крайне сомнительное. И ко всему еще проклятая усталость. При нагрузке, несколько превышающей обычную, человек засыпает, как убитый. Сверхнагрузки, напротив, лишают сна даже в самых комфортных условиях. Что уж говорить, когда условия – никакие. Мне, например, удалось забыться беспокойным сном только под утро. Показалось, я только закрыл глаза и тут же их открыл, растревоженный хлопающими дверцами джипов. Не уверен, что всем водителям удалось вздремнуть хотя бы столько же, сколько и мне. А ведь им предстояла непростая задача – в совершенно неизвестной местности отыскать дорогу к лагерю.

Разведчики укатили, а мы, окоченевшие от ночного холода, безуспешно пытались согреться под лучами восходящего солнца. И тут, словно по мановению волшебной палочки, появился ящик водки. Откуда он взялся, я так и не понял. Может, подручные Тихона умудрились прихватить его незаметно или иностранцы подсуетились? Мы выпили по несколько глотков, закусив первой попавшейся консервой. Внутри слегка потеплело. Но делать все равно ничего не хотелось. Я моментально засоловел и шустро улегся на прогреваемый солнышком холмик. Где-то рядом бродил командир, этот чертов летчик, надеясь подвигнуть нас на работу. А, пошел ты, бороздун небесных просторов. Какого рожна я буду вкалывать, когда неизвестно, есть дорога в лагерь или нет. В одном случае надо получше уложить добытые вещи по машинам, в другом – выбрать самое необходимое, что можно унести. Две абсолютно разные работы, не совместимые друг с другом. Так чего этот недоумок суетится?

Я проснулся оттого, что кто-то бесцеремонно тряхнул меня за плечо. Я открыл глаза и увидел перед собой незнакомого типа. Поняв, что ему удалось меня разбудить, он сильно

обрадовался и что-то залопотал по-немецки. Пришлось вставать, причем в мучительной борьбе с головной болью. И это всего от ста граммов водки. Ну, надо же! Это что-то новенькое. Лично я оценил бы свое состояние не меньше, чем на поллитра.

А буквально в нескольких шагах от меня царило радостное возбуждение. Один из разведчиков нашел дорогу в лагерь и довольно неплохую. Похоже, даже «Мицубиси» мог пройти. В крайнем случае вытащим его «Уралом».

Вещи были загружены быстро, хотя язык не повернется сказать – хорошо. И только тут до нас дошло, что кроме вещей неплохо бы было отправить в лагерь и нас самих. А как? Не пешком же топтать почти двадцать километров. А найти подходящий транспорт для такой оравы никто не догадался. Бросились на поиски. Как назло, все попадавшиеся нам на глаза автобусы были выведены из строя. Пришлось довольствоваться грузовиком и еще одним джипом. Все-таки здорово, что эти внедорожники так приглянулись жителям России. Тем более, что в любой из них можно было затолкать не меньше десяти человек. И перли они при этом особо не напрягались, легко и без последствий для пассажиров преодолевая все ухабы.

Только что это я о джипах так распинаясь. Мне же пришлось трястись в кузове отечественного грузовика, каждый бугорок ощущая собственным копчиком, будто это не «газон», а я сам тащился со скрипом по раздолбленной колее. Затем колея исчезла, дорога круто повернула к берегу. Океан начинался в какой-то сотне метров от нас. Я оказался у правого борта и поэтому мог наблюдать, как едва заметные волны лениво подкатывались к берегу. Правда, самого берега видно не было, его заслонял борт грузовика. Когда машина в очередной раз подпрыгнула на ухабе, подбросив меня чуть ли не на полметра вверх и шмякнув об гофрированный кузов, я не выдержал и встал, ухватившись руками за борт. Если недавно у меня от боли раскалывалась голова, то сейчас, как сказал бы один мой приятель, дико болели все четыре полушария.

Вдруг наш караван остановился. Из шедшего впереди джипа выскочил человек и направился к берегу. Взглянув туда, я сразу понял, в чем дело. На берегу лежала лодка. Вокруг нее быстро собрались люди, в том числе и все мы, ехавшие в грузовике.

Лодка оказалась почти целой, всего лишь с парочкой царапин на серебристых боках и готовым к работе мотором. Мы переставили его в надводное положение и, поднатужившись, оттащили лодку подальше от берега. Хотя ничто не предвещало шторма, мы не желали подвергать ценную вещь даже минимальному риску.

Заключительный отрезок пути к лагерю прошел без происшествий. А там уже все было готово... Нет, не к нашей встрече, а к приему вещей. Как они успели за день с небольшим, имея в распоряжении всего один топор, устроить навесы с полом из тщательно подогнанных бревнышек – ума не приложу. Одно не вызывало сомнений – никто из пассажиров самолетов отношения к этому не имел, работу выполнили присоединившиеся к нам местные жители.

Пока мы разминали затекшие ноги, оставшиеся в лагере люди принялись суматошно, но с энтузиазмом разбирать, сортировать и расставлять привезенные нами вещи. Как приятно было смотреть на это со стороны.

– А сети где? Вы что, не привезли ни одной сети? – бойкий дедок инспектировал добычу, с каждой минутой все больше мрачней.

Мы хорошо его запомнили, так как перед походом в город он нас достал своими сетями. Явно был первым браконьером на деревне.

– Что поделаешь, отец, не нашли ни одной, – ответил ему кто-то из наших.

– Как так не нашли? Значит, плохо искали, – еще больше раскипятился дедок.

– Да нормально искали. Просто не было сетей. Ничего, и без них обойдемся.

– Без них! – аж взвизгнул старичок. – А что вы будете делать, когда консервы съедите? Фламингами питаться?

А дед, похоже, был прав. В окрестностях никакой дичи, кроме сомнительных, с точки зрения гастрономии пернатых, не наблюдалось.

Помимо старика вокруг груза, жадно принохиваясь, вертелось еще одно крайне заинтересованное лицо – Кукуманя. Иностранцы прозвали его Алексом, случайно услышав, как он назвал себя «аликом с тридцатилетним стажем». Насчет стажа забугорцы ничего не поняли, а вот слово «алик» отловили сразу же. Так наше «алкаш» через «алика» превратилось в ихнего «алекса».

– Алекс, хэлп ми, плиз, – заверещала одна субтильная дамочка, ухватившая бензопилу.

– Ничё, сама дотащишь, – отмахнулся от неё Кукуманя, уже усвоивший несколько импортных словечек.

Дело в том, что именно в этот момент его ноздри уловили запах перегара. Кукуманя двинулся по следу, руководясь, как гончий пёс, верхним чутьем.

– Алекс, а ю бизи? – роняя пилу, поинтересовалась дамочка.

– Сама дура, – не прекращая движения, моментально отреагировал на незнакомое слово Кукуманя. – Слышь, земляк, вы где кир брали, в городе? – спросил он, определив источник дивного запаха.

– В городе.

– А с собой привезли?

– Не знаю. Лично я нет. Начальство запретило.

– А в городе... это... кира хватает?

– Да хоть залейся. Тебе за всю жизнь и десятой части не осилить.

– Плохо ты меня знаешь, – было написано на лице Кукумани, когда он, радостно потирая руки, отошел в сторону.

С этой минуты, пока еще на малых оборотах, заработал мелкий источник наших неприятностей.

Участникам похода дали возможность отдохнуть после обеда. После еды всех нас ознакомили с планом работ. Было решено строить четырехкомнатные дома с большой русской печкой посередине. В каждой комнате предстояло разместить десять человек – и это на тридцати квадратных метрах. Но так мучиться нам предстояло только первый год. С течением времени жилищный вопрос должен быть решен.

Жилищный вопрос. Если бы и не знал, сразу бы понял, что нахожусь на русской земле.

Затем выяснилось, что в город придется мотаться постоянно. Кирпич, цемент, доски, бревна и прочие стройматериалы требовались в неограниченных количествах. Соответственно, была нужна разъездная бригада, составленная из тех, кто не бельмеса не смыслил в строительстве. Мы только заспорили о том, когда определить состав этой бригады – сейчас или ближе к ночи, как поднялся пастор, единственный среди нас служитель бога. Я, кстати, так и не понял, что он делал в самолете? Может, хотел быть поближе к своему начальству?

– Дети мои, – сказал пастор, воздевая руки над головой. – В прошлом году необычайно увеличился поток пожертвований святой церкви. Грешники спешили искупить свою вину перед ближними и Господом, они раскаивались и несли щедрые дары. Но и чистые, непорочные души отдавали Господу все, что у них было. Но Господь не смилостивился над нами, обрек на мучительную смерть. А мы, которым он даровал жизнь, рассуждаем о строительстве жилья, вместо того, чтобы первым делом воздвигнуть храм во славу Господа.

– Святой отец, – явно лицемера, обратился к нему Владимир. – Если мы не позаботимся о жилье для наших бранных тел, то некому будет воздавать хвалу Господу. Кстати, не думаю, что он уничтожил множество прекрасных храмов, в том числе и Святого Петра только ради того, чтобы мы воздвигли неказистую церковь, явно недостойную его имени.

Разговор велся на английском, но кто-то догадался перевести его нашему главному строителю. Тот поднялся с места – обыкновенный мужичок, умеющий возводить хаты, а не дворцы, и без обиняков заявил:

– Я церкви не строю, не обучен. Если хотите, батюшка, берите людей, материалы – и вперед.

Во всей фразе и, особенно, язвительном «батюшка» чувствовалось глухая неприязнь русского человека к еретикам – католикам.

Пастор, когда ему перевели, наконец опустил руки и высказался в том смысле, что он видит перед собой не агнцов, но козлиц, которым предстоит вечно гореть в аду. Ничего конкретного он, конечно, предложить не смог. А козлицы, разобравшись с представителем небесных сил, вновь вернулись к земным вопросам. Оказалось, что, даже имея заветную тетрадошку Мюррея, в которой указывались профессии каждого, было очень непросто распределить обязанности. Это вам не нормальное строительство, где люди, придя утром на работу, четко знают, чем заниматься. Да и коллективчик у нас подобрался еще тот, сплошные бизнесмены да чиновники, короче одни потенциальные чернорабочие. И главное – совершенно невозможно с ходу определить, кого из них еще можно обучить какому-нибудь настоящему делу. Поэтому большинство иностранцев числилось в резерве, а проще говоря – на подхвате.

Разговоры затянулись, к тому же выяснилось, что нам не хватает целой кучи стройматериалов. Решили, что завтра в город отправится часть уже побывавшей там группы, а остальные будут рыть ямы под фундамент. Можно было заняться этим и сегодня, но чтобы после таких разговоров – и сразу за лопату... Вот наоборот – пожалуйста, всегда, готовы. То есть монотонный физический труд даже ради собственного спасения требует некоторой моральной подготовки. Тем более, как серьезно заметил один из нас, «надо еще вспомнить, с какого конца за эту самую лопату братья». Но самым занимательным было поведение в этой ситуации Тихона. Как-то так получилось, что мы, русские, сидели все вместе, одной группой, хотя и рядом с иностранцами. Воспользовавшись этим, авторитет принялся изучать нас цепким, анализирующим взглядом, после чего что-то говорил своим подручным. Те с готовностью кивали и подскакивали к тому, кого разглядывал Тихон:

– Будешь рыть яму... поедешь в город... пойдешь на заготовку дров, – командовали они.

Меня так и подмывало спросить, чем же будет заниматься сам Тихон. Не потому, что не знал, а потому, что было интересно, что мне на это ответят. Но не настолько интересно, чтобы положить за это собственное здоровье, а то и саму жизнь.

– Кажись всё, – заявил Тихон часа через полтора и тут вроде бы спохватился, не очень умело притворяясь, что только сейчас вспомнил о чем-то существенном. – Эй, джигит!

Он обратился к смуглому молодому человеку явно кавказских кровей, на свою беду затесавшемуся в русскую общину. Хотя куда еще ему было податься? К немцам или англичанам? Тем более, что рядом сидела шикарная блондинка из наших, в чьем обществе кавказец и возвращался из заграничного вояжа.

Я когда-то читал, что по отношению к преступникам с Кавказа воры-славяне делились на две категории: предпочитавших сотрудничество и тех, кто считал, что «папуасов надо отстреливать при первой же возможности». Тихон явно относился ко второй группе, причем его ненависть распространялась на всех кавказцев, а не только бандитов, и никакие, даже самые чрезвычайные ситуации не могли заставить его изменить свое мнение.

– Я вот о чем думаю, – молвил авторитет, не спуская глаз с кавказца. – Что мы все, как животные, нужду исправляем по кустикам. Надо сделать нормальный сортир и поддерживать в нем чистоту. Вот ты этим и займешься.

– Я нэ буду этого дэлат! – гордо, почти с вызовом ответил кавказец.

При этом даже сквозь загар было видно, как густо он покраснел. Еще бы – такое оскорбление национальной гордости. Вон в Грозном, до того, как его разбомбили, ассенизаторами работали одни славяне. Для того и держали.

– Как это не будешь? Привык у себя в горах гадить в пропасти. Нет уж, ты попал в общество цивилизованных людей и будь добр живи по его законам, – меня в очередной раз поразило, как умело приспособился Тихон к аудитории. Ни одного блатного слова. А ведь совсем недавно я слышал от него выражения, по крепости не уступавшие абсолютному спирту.

– А кто ты такой? – наконец прорвало кавказца. – Начальник? Нэт. Я тэбя начальником нэ выбирал и плеват на тэбя хотел.

– Ты не на меня, ты на людей плюешь, – спокойно ответил Тихон. – Но мы сумеем с этим разобраться. Для того и поставлены, – он благоразумно не стал уточнять, кем поставлены и куда, а просто объявил: – Все свободны.

Не знаю почему, но я сразу отделился от толпы и направился к берегу. Это был странный берег, если, конечно, не учитывать его происхождение. Ты идешь по ровному полю, и вдруг оно резко заканчивается обрывом, и метрах в пяти под тобой мерно колышутся океанские волны. Кстати, в большинстве мест, где мы затем побывали, наблюдалась та же картина: поверхность воды была как минимум на несколько метров ниже уровня земли. Чем это было вызвано? Тем, что площадь мирового океана увеличилась почти на четверть, и в связи с этим он резко обмелел? Но ведь под воду ушла почти вся суша. Может, просто вода не успела сгладить берега?

Но нам в очередной раз повезло. Всего в нескольких километрах от нас берег был пологий, усеянный желто-коричневым песком. Материковый излом прошелся точнехонько по заброшенному песчаному карьеру, сильно облегчив нашу жизнь.

Я подошел к самому обрыву. Вокруг ни души, не нашлось больше желающих прошагать чуть ли не километр, отделявший лагерь от этого места. Передо мной без конца и края простирался океан. В голове не укладывалось, что это совсем не тот океан, который я знал раньше, не океан, в котором зародилась и развивалась жизнь на Земле, вышедшая затем на сушу, а океан – убийца. Эти, такие спокойные сейчас воды, поглотили человечество и то, что было создано его руками. Где-то в его пучинах исчезли развалины Лондона и Нью-Йорка, Токио и Багдада, как задолго до этого Атлантиды. Всесильная вода не пощадила ни Лувра, ни Кремля, ни египетских пирамид, между делом уничтожив «Джоконду», статую Давида, шапку Мономаха. И никому не дано увидеть их вновь.

Меня охватило чувство какой-то полной опустошенности, безысходности и ненужности, никчемности нашего дальнейшего существования. Какой смысл цепляться за жизнь, которая будет сплошной борьбой за выживание? Ведь мы этому давным-давно разучились. А океан вот он, рядом. Не лучше ли сразу присоединиться к большинству, а не оттягивать неизбежный конец?

Я решительно отвел взгляд от манящей бездны. Ничего себе прогулялся, подышал морским воздухом. Надо быть идиотом, чтобы в такое время оставаться одному, наедине с собственными мыслями. Я решительно зашагал к лагерю. Там меня уже разыскивал Владимир. Он торопливо подскочил ко мне и заговорщицки прошептал:

– Русланов пошел к Мюррею.

Русланов был профессором, доктором химических наук, всемирно известным ученым и широко эрудированным человеком. Он регулярно выезжал за рубеж и английский знал в совершенстве. Вот его мы и упросили переговорить с командиром.

Как рассказывал потом Русланов, Джордж был сильно удивлен, когда ученый без лишних слов выложил перед ним книгу.

– Что это? – после некоторого замешательства удивленно спросил бывший летчик.

– Книга, – на всякий случай пояснил Русланов.

– Вижу, что книга. Зачем вы ее мне принесли?

– А вы откройте, может тогда и поймете.

– Ну, открыл, – заявил Мюррей, разлепив еще не высохшие страницы. – Все равно ничего не понимаю.

– А вы прочтите хотя бы пару слов, – посоветовал ему Русланов.

– Да вы что, смеетесь надо мной? Я даже не знаю, на каком языке здесь напечатано.

– На русском, – сообщил ученый. – И не только эта книга. Мы нашли библиотеку. Там книги по физике, биологии, агрономии, медицине. Наверняка есть справочники, как строить дома, правильно хранить пищу, делать одежду и много, очень многое другое, настоящий океан знаний. И, заметьте, все эти книги на русском языке.

– Я понял, на что вы намекаете, – довольно быстро сообразил Мюррей. – Вы хотите изменения статуса русского языка.

– Если говорить прямо, то мы считаем, что русский язык обязан стать господствующим, – не стал разводить политесы Русланов.

Мюррей задумался, глядя в книгу, словно пытаясь увидеть там решение этой хитрой задачи и, наконец, сказал:

– Я не уверен, что так уже необходимо всем поголовно изучать вашу грамоту. Всё гораздо проще. Если возникнет проблема, решение которой имеется в книгах, ваш человек прочтёт остальным, что им надо делать.

– Может ещё посадить писцов, чтобы они перевели все библиотеку на английский? – не выдержав, съязвил Русланов.

– Не вижу пока необходимости. У нас полно других дел, – не уловил иронии Мюррей.

– Ох, и горазды же вы загребать жар чужими руками. Кстати, русских в лагере сейчас почти столько же, сколько англоговорящих. И их число всё время увеличивается. А вам пополнения ждать неоткуда. И находимся мы, между прочим, на русской земле. Но не это главное. Я предлагаю самый лёгкий для вас выход из сложившейся ситуации. Неужели вы думаете, будто мы настолько тупы, что с радостью смиримся с ролью обычных переводчиков. Или не понимаете, какие громадные преимущества дает нам в руки знание? Это же мощнейшее оружие. Между прочим, и в прямом смысле этого слова тоже. Думаете, найдется среди нас хоть один человек, способный изготовить порох? А в какой-то из книг об этом наверняка сказано. И описано, как изготовить простейшее огнестрельное оружие. Ваше решение, если оно будет принято, неминуемо приведёт к расколу и легко догадаться, кто от этого пострадает. Принимая во внимание человеческую психологию, нетрудно предсказать, что через какое-то время ваши соотечественники станут новыми рабами, работающими на обладающих знаниями людей под присмотром вооруженных ими охранников. Больше того, предложения такого рода уже были. Так что речь сейчас идёт не столько о языке, сколько о нашем будущем существовании. Я пришел, чтобы предложить самое разумное решение, ведущее к созданию единого общества, а не подавляющих один одного кланов.

– Мне кажется, вы несколько сгущаете краски, чтобы добиться желаемого.

– Сгущаю краски? К вашему сведению, с завтрашнего дня все разговоры между собой мы будем вести только по-русски и теперь не мы, а вы будете бегать в поисках переводчика, если возникнет такая необходимость. А она возникнет, если хотите пережить зиму.

Мюррей моментально смекнул в чем дело. Его вежливо, но решительно взяли за горло. Все работы по строительству планируются русскими. Почти все люди рабочих специальностей – русские. То есть уже сейчас они могут диктовать свои условия. А в запасе такие козыри, как книги. Похоже, его карта бита.

– Но я не могу принять важнейшее решение единолично.

– И не надо. Соберите людей. Только не говорите им ничего про угрозу раскола, пусть это останется между нами. Лучше намекните, что когда-нибудь у людей появится свободное время. И при отсутствии телевизора и компьютера только чтение сможет по-настоящему украсить

их досуг. А женщинам сообщите, что «Поваренная книга» может им понадобится в самом скором времени.

– Хорошо. Завтра мы решим этот вопрос.

– Почему завтра? Начнутся работы, люди будут заняты с утра до вечера, а сегодня они свободны, и до темноты ещё есть часа полтора. Стоит ли откладывать, если все можно решить сейчас.

И Мюррей уступил Русланову точно так же, как затем иностранцы вынуждены были уступить нашим требованиям. Конечно, не все прошло гладко, некоторые господа заявили, что они лучше застрелятся, чем будут учить варварский язык, на что Русланов спокойно заметил, что может оно и к лучшему, меньше работы будет строителям. Надо сказать, что господа, как один оказались эгоистами, и меньше работы у строителей не стало.

Но большинство восприняло эту новость спокойно. По лагерю уже прошёл слух о найденных книгах, и люди понимали абсурдность ситуации, когда все будут говорить на одном языке, а имеющиеся в их распоряжении знания будут на другом. Нет, всё необходимо привести к единому знаменателю.

Чуть позже произошло ещё одно из ряда вон выходящее событие, правда далеко не такого масштаба – кавказец попытался сбежать. Он здраво рассудил, что сумеет выжить в мире, где почти нет людей, зато хватает продуктов их труда, но крепко обмишурился, решив прихватить с собой даму сердца. Не мог, понимаешь, джигит обойтись без подруги. Нашёл, тоже мне, жену декабриста. Блондиночка вовсе не горела желанием ударяться в бега и жить в развалинах города, словно пара голодных крыс. К тому же с кавказцем их связывало только одно романтическое путешествие. По жизни она было проституткой, правда элитной, не обслуживала за ночь десяток клиентов, а удовлетворяла потребности одного «новораша», пока он не выставлял ее пинком под зад, после чего безмятежно перепархивала в постель к другому. Уже не бабочка-однодневка, как уличные девочки, а эдакая попрыгунья-стрекоза. И с чего это наивный джигит решил, что она будет верна ему до гроба?

В общем, кавказец назначил ей свидание в полночь на окраине леса. Когда он там появился, его уже ждали. Но не желанная красотка, а два подручных Тихона. Блондиночка улучила-таки пять минут, чтобы сообщить авторитету о коварных планах главного кандидата в ассенизаторы. Джигита одним могучим ударом опрокинули на землю и стали со знанием дела пинать ногами. По лицу, правда, не били, избегая оставлять следы расправы, а вот почкам, печени и прочим селезенкам пришлось пожалеть, что они скрыты от посторонних глаз. Сперва джигит крутился вьюном и один раз попытался встать, но когда вскочил на четвереньки, получил такой удар снизу в живот, что безвольно откинулся на землю и больше не рыпался.

Убедившись, что клиент готов, «быки» привели его в чувство и отволокли к Тихону. Кто знает, о чем говорил с ним авторитет. Но утверждение, что опытные уголовники способны убеждать похлеще любого психотерапевта получила еще одно убедительнейшее подтверждение. На следующее утро джигит, на каждом шагу морщась так, что его орлиный нос становился курносым, отправился на закладку сортира. А шикарная блондинка немедленно перекочевала к ближайшему окружению авторитета.

Мы в это время тоже боролись с трудностями, правда, несколько иного плана. С утра наша бригада, двадцать здоровых с виду мужиков, отправилась копать яму под один из домов. Началось с того, что лопат на всех не хватило. Оно и понятно. Домов двадцать с лишним, на каждый двадцать работников, итого почти четыреста пятьдесят лопат. Где взять столько? Приходилось копать аж в четыре смены. Один землю швыряет, трое смотрят. Потом начальство опомнилось. Не в смысле лопаты выдало – чего нет, того нет, а согнало нас на рытье четырех ям, чтобы к вечеру, когда подвезут материалы, можно приступить к строительству четырех домов. И началось.

Наши мужики, хоть бизнесмены, хоть чиновники, не всю жизнь на лимузинах раскатывали. Советская власть большинству их отцов или дедов по шесть соток когда-то выделила. И о том, каких гадостей можно ждать от такой безобидной на вид лопаты, знали все. А вот иностранцы. Их же с детства не тому учили. О том, что можно вручную вынуть несколько кубометров грунта, они даже не подозревали. И на предложенные им холщовые рукавицы смотрели с ужасом и негодованием, как на придуманное коварными русскими изощренное орудие пытки, зато дружно с идиотским хихиканьем говорили очень всем им понравившееся слово «мьёзол».

Первые настоящие мозоли появились у них через какой-то десяток минут. Через час почти все иностранцы стали обладателями этого сомнительного удовольствия. Они уже не хихикали, а слово «мьёзол» произносили злобно, как самое непристойное ругательство. Вскоре все они одели перчатки, предварительно заклеив пострадавшие места пластырем. Но темп работ все равно заметно упал. Мы явно не укладывались в график.

Вот что у нас хорошо получалось, так это перекуры, спасибо компании «Филипп Моррис» и лично её покойному президенту. Ведь как всё продумали ребята, может именно на такой случай. Каждую пачечку в целлофан укладывали, десять пачечек в блок, и его тоже сверху целлофанчиком. Да этот блок может хоть год в воде пролежать, а раскроешь пачку – внутри сухо. Я хоть и некурящий, а невольно порадовался такой заботе о своих товарищах.

Неподалёку хлопотали женщины. У нас возникла проблема с хлебом. Поскольку, в отличие от сигарет, он частенько продавался незапакованным, мы обнаружили в городе всего несколько сот запечатанных в пленку буханок. И беда не в том, что остальной хлеб побывал в соленой воде – с этим еще можно было как-то мириться. Он почти весь покрылся мерзкой на вид плесенью, которой было наплевать, пресная вода или соленая – лишь бы влага. Зато мы привезли довольно много муки, и вот теперь женщины в первобытных условиях, на костре с непредсказуемым пламенем делали героические попытки состряпать какое-то подобие лепешек. И, несмотря на то, что сковородки мгновенно покрылись копотью, а сверху летел пепел, им это удавалось. А чуть дальше в нескольких котлах варился суп, и его запах, время от времени доносившийся до нас, заставлял исходить пищеварительным соком наши отвыкшие от горячей еды желудки.

За последнее время большинство из нас утратило хорошие манеры и почти каждый норвил всеми доступными средствами заполучить лишнюю порцию супа. Женщинам пришлось отгонять нас чуть ли не черпаками. Лучше всего это, разумеется, получалось у Авдотьи.

– Консервы лопайте. А то мужики из города вернутся – чем их кормить? – кричала она, неуловимым движением вырывая миску из рук очередного халявщика, а ему самому небрежным толчком давая испытать прелесть свободного полёта.

И только с бугаём, подосланным Тихоном, Авдотья ничего не смогла поделать. Хоть и чемпионка, но женщина. А этот рядовой качок, зато мужик. Бугай сам очень ловко подтолкнул Авдотью к котлу и беззлобно скомандовал:

– Не ори! Наливай давай.

После обеда фронт работ уменьшился до трех ям. При этом наш главный строитель попытался сам себя утешить:

– Ничего, завтра наверстаем.

– Да ты что, издеваешься! – тут же понеслось со всех сторон. – Представляешь, как завтра с непривычки всё тело будет болеть?

– Поболит и перестанет. А поторапливаться надо. Вы ж не медведи, зиму в берлоге не просидите, – философски ответил начальник.

Он собрал иностранцев, больше всего пострадавших от лопаты, и хотел отправить их в лес за брёвнами, но тут появились машины из города. Участники поездки, слегка навеселе, устремились к обеденному столу, предоставив нам разбираться с их трофеями. Мы, не сгова-

риваясь, бросились к машинам. Всё-таки интересно, что в них? «Урал» был загружен исключительно кирпичом. В «газоне» было собрано много всякого добра, но главное место занимал огромный рулон с полиэтиленовой плёнкой. С этим полиэтиленом вышла довольно забавная история. Начальник строительства думал укрывать им привезённые материалы и выкопанные ямы. Но рулон был слишком узок, меньше двух метров. Требовалось нарезать куски полиэтилена определённой длины и склеить между собой. Работу эту поручили трём иностранцам, как потом оказалось, профессору биологии, вице-президенту страховой фирмы и заместителю главного редактора одной из английских газет. На куски они полиэтилен с грехом пополам порезали. А как их соединить между собой? Тут выпускники Гарварда и Кембриджа совсем отчаялись. Сшить ниткой? На месяц работы, да и никаких ниток не хватит. Можно ещё скрепить английскими булавками. Только будет протекать, да и опять же, нет у них столько булавок.

На счастье этих выдающихся личностей рядом оказался Кукуманя.

– Чё, не можете склеить? Да это же как два пальца об асфальт, – заявил он, без удовольствия посасывая «Мальборо».

И всего за пару часов с помощью раскаленного ножа нужные полосы были намертво приклеены друг к другу.

– Оу, Алекс, итс вандефул! – воскликнули иностранцы, льстиво улыбаясь своему спасителю.

– Долго провошкаться. Был бы горячий утюжок, так ваще моментом, – немного стесняясь, говорил Кукуманя.

Мы уже заканчивали работу, когда показался ещё один джип.

– Степаныч, принимай, – обратился один из ездоков к начальнику строительства, распахивая дверцу внедорожника.

На полу и заднем сидении была навалена груда металла: маленькие дверцы, решетки, кольца разного диаметра, заслонки, что-то ещё.

– Значит, нашли, – с грустью заметил Степаныч. – И людей там не было?

– Какие люди... Мы обыскали две деревни. Правда одна совсем маленькая. Из домов только четыре уцелело. Остальные размело по бревнышку. Не было никаких шансов выжить. Даже на чердаках устоявших домов до сих пор кругом сырость.

– Понятно... Ладно, хоть печников обрадую. Хватит здесь на два десятка печек, как думаешь?

– Здесь тридцать комплектов, а не хватит, мы еще привезём.

– Понятно, – ещё раз повторил Степаныч и шагнул в сторону, но тут, вспомнив, спросил. – Так говоришь, все дома разнесло по бревнышку. А сами брёвнышки целые, могут ещё пойти в работу?

– Да, целые почти все. А насчет того, чтобы их снова использовать, не знаю, не специалист.

– Понятно. А то пристал тут ко мне один, говорит, надо рубить деревянные хаты, они теплее кирпичных. Значит, там четыре дома уцелело. Надо запомнить. Ты их видел, скажи, в крайнем случае там человек сорок поместятся?

– В крайнем затолкаем и все сто, хотя, конечно, строились они на семью.

Печники одобрили привезённые им вещи, а о возведении деревянных изб пока никто не заговаривал. После некоторых перестановок я оказался в группе из пятнадцати человек, копавших всё те же злополучные ямы. Казалось, проклятые земляные работы будут продолжаться вечно. Рядом с нами вкалывали немцы, руководил которыми спокойный, рассудительный мужчина Вальтер Юсковяк. Помню, когда мы вернулись из первого похода в город и рассказали обо всем, один бестолковый тип удивлённо спросил:

– Так почему бы нам не перебраться туда жить?

Кто-то хотел поведать ему о проблемах с центральным отоплением и других сложностях, но тут встал Юсковяк и заявил:

– Там уже занято.

– Кем занято? – пронеслось удивлённое.

– Покойниками, – отрезал Юсковяк, и больше вопросов не возникало.

Так вот, Вальтер сумел очень здорово наладить работу своей группы. Хотя, казалось бы, чего тут налаживать, занятие для питекантропов под девизом «бери побольше, бросай подальше». Но Юсковяк грамотно расставил людей, распределил их по сменам, никому, и в первую очередь себе, не позволяя сачковать. В результате, когда мы выкопали на две трети, немцы уже закончили работу.

– Ну, даёт Германия, – заметил я Владимиру. – Им за такое вымпел надо вручить «Ударник постапокалипсического труда».

– А Юсковяку медаль «За победу над концом света», – подхватил Владимир и вдруг крикнул. – Смотри!

По лагерю гордо шествовал старый рыбак. У него за спиной висела серебристая рыбина длиной не меньше полуметра. Тот, кто несколько дней питался исключительно консервами и приготовленными из них супами поймёт охватившие нас чувства. Старика мигом окружили люди, словно желая убедиться, что это происходит на самом деле, а не во сне.

– Как же вам удалось такую поймать? – удивлялись женщины.

– Обыкновенно, на живца, – немного раздражаясь глупости вопроса, отвечал старик.

– А живца где взяли?

– Где взял, где взял? В магазине купил, – вконец осерчав, заявил рыбовод.

Бесцеремонно протаранив толпу, рядом со стариком оказался бугай из кодлы Тихона.

– Дай посмотреть, – решительно протянул он руку, и сразу стало ясно, что одним посмотреть дело не ограничится.

– Не дам! – вдруг решительно заявил старик и даже оттолкнул протянутую конечность. – Перебьетесь. Или сами наловите. А эту я детям отнесу. Пушай полакомятся. А то кто из них вырастет на консервах? Уроды?

– Не понял! Ты, смотри, старый хрыч, не залупайся. А то уйдешь с концами в воду, никто и не заметит, – бугай оскалился, то ли улыбаясь, то ли примеряясь вцепиться в горло.

– Это если ты сгинешь, никто и не заметит. А кто заметит, обрадуется, потому, что пользы от тебя, как от тифозной вши. А без меня никто не накормит людей по-человечески.

– Ладно, кончай базар, – бугай шагнул вперёд, не желая уходить без добычи.

Не помню, как это произошло – такое случается всегда, когда эмоции берут верх над разумом, но уже через мгновение я перегораживал дорогу этому подонку, злобно выкрикивая прямо в сытую харю:

– Зарываешься, гад. Рыбки тебе захотелось. Смотри, как бы самому не пойти рыбам на корм.

Трудно сказать, как бы повернулось дело, будь мы одни. Но вокруг стояли люди, и их симпатии были на моей стороне. И негодяй бежал, позорно, трусливо, даже не выдав на прощание какой-нибудь угрозы.

Инцидент был исчерпан. Одна из женщин, немного смущаясь, подошла к рыбаку и предложила:

– Для детей этой рыбы будет много. Давайте, я приготовлю часть Мюррею. В ней ведь много фосфора.

– Фосфор нужен, чтобы мозги шурупили. А зачем начальству мозги? Ему главное командный голос и напор.

– И вам пару кусочков, – настойчиво продолжала женщина.

– Ты что, не знаешь, рыбаки рыбу не едят! – гордо заявил старик и ушел есть кильку в томатном соусе.

На меня эта история и, в первую очередь упоминание о детях, нагнали новую мощную волну депрессии.

– Вы о детях, тот старик о детях. А как смогут дети выжить в таком кошмарном, перевернутом с ног на голову мире.

– Но ведь эти трое, кажется, неплохо себя чувствуют, – заметил Штирлиц, неторопливо шагавший рядом.

– В том то и дело, что всего трое. Есть кому о них заботиться. Если бы детей оказалось хотя бы в десять раз больше, вряд ли бы за ними так ухаживали. Впрочем, этого никогда не будет, демографический взрыв нам не грозит.

– Ну почему же, – хитро улыбнулся Штирлиц. – В конце концов, природа свое возьмет. У человека, как и любого животного, в генах заложено стремление к продолжению рода. Так сказать, основной инстинкт.

– Не к продолжению, а совокуплению, – довольно грубо возразил я. – С продолжением, как раз, мало что получится.

– Почему вы так в этом уверены?

– А вы знаете поблизости хотя бы один родильный дом или на худой конец акушерский пункт. Иностранки вообще без наркоза не рожают. Наши, конечно, покрепче, но в такой обстановке и они вряд ли решатся.

– Зато у нас как минимум три квалифицированных медика и, наверняка, все необходимые препараты.

– Даже если так, было бы безумием вынуждать ни в чем не повинное существо появляться на этот ужасный свет.

– Юрий, не преувеличивайте. Да, нам тяжело, но куда легче, чем нашим далеким предкам. Ведь им еще приходилось сражаться с пещерными львами, медведями и себе подобными.

– Они поколениями приучались к такой жизни, и не знали другой, а мы... Эх, да что говорить.

– И все равно, наше положение не так уже плохо. Возьмите других. Нет, я не имею в виду погибших, – тут же уточнил Штирлиц, заметив, что я собираюсь ему возразить. – Разговор идет о живых. Посмотрите на небо.

Я посмотрел. Небо, как небо. Луна, звёзды. В том же соотношении, что и всегда, одна к бесконечности.

– Если присмотреться, – продолжал Штирлиц, – то можно увидеть, или представить, что видишь, маленькую точку, пылинку в звездном небе, которая несколько лет вращается вокруг Земли. Эта пылинка называется МКС, международная космическая станция. Сейчас там находятся люди, космонавты. Думаю, они прекрасно видели, что произошло на планете, а если нет, то по отсутствию связи и изменению поверхности Земли обо всем догадались. Орбитальная станция не может самостоятельно приземлиться. И эти сильные и здоровые люди сейчас абсолютно беспомощны. У них, в отличие от нас, нет выбора между жизнью и смертью. Они могут только выбрать как им умереть: быстро, шагнув без скафандров в открытый космос, или медленно от недостатка кислорода или голода. Поверьте, Юрий, это очень страшно, когда у человека нет выбора, и есть масса времени, чтобы размышлять об этом. Подумайте о них, Юрий, и поймите, что мы с вами счастливые люди.

Да, конечно, у Штирлица стакан всегда наполовину полный, а у меня наполовину пустой. Но я, конечно, не стал ему говорить об этом. Интересно, а нашел ли бы он что-то положительное, если бы оказался среди космонавтов? Об этом, разумеется, я его тоже не спросил.

Надо сказать, что приступы депрессии терзали не меня одного. В самом деле – чему радоваться? Наверняка многие подумывали о том, чтобы наложить на себя руки, и подсознательно

чувствовали, что кто-то из нас способен перейти от мысли к действию. Но почему-то первое самоубийство стало для всех полной неожиданностью.

Это была необычная пара, на них поневоле сразу же обращали внимание. Она – жгучая брюнетка, высокая, стройная, даже немного худоватая, но при этом с пышными формами, причём без всякого силикона, с огромными голубыми глазами, которое делали ее красивое лицо прекрасным – двадцатилетняя победительница конкурса красоты штата Огайо. Он – подтянутый энергичный мужчина, но не Аллен Делон, скорее ближе к де Фюнессу, с виду лет пятидесяти пяти (оказалось шестидесяти с хвостиком) – хозяин сталелитейного завода, чуть ли не мультимиллионер. Они были женаты меньше года, и любящий супруг брал свою прекрасную половину во все, даже деловые, поездки. То ли хотел постоянно быть с ней, то ли боялся оставить одну. Так и спас её от смерти, в чем очень скоро горько раскаялся.

Первое время дамочка ни на шаг не отходила от своего благоверного, надеясь, что их спасут, и жизнь войдет в прежнюю колею. Но, как выяснилось, спасать было некому, а еще вчера могущественный, способный бросить к её ногам если не весь мир, то все радости жизни муж превратился в такого же, как и все, стремящегося выжить, бедолагу. Его миллионы исчезли, а преклонный возраст остался. Красавице очень не понравились такие перемены. В создавшемся положении ее утешало только одно – женщин в лагере было гораздо меньше, чем мужчин, и лишь три-четыре из них могли составить ей хоть какую-то конкуренцию. Но все равно она была лучшей. Возможно, ей даже приходила в голову мысль, что она впервые в человеческой истории сможет выбрать из почти всех мужчин на Земле. Кто знает, кто знает.

И мисс Огайо ушла от мужа. Ушла не к новому избраннику, а вообще. Оставила, бросила опостылевшего старика. Чтобы, когда придет время, никто не мешал ее личной жизни. Для миллионера это стало страшным ударом. Он испытал не меньшее потрясение, чем при известии о конце света, хотя сделал вид, что ожидал от любимой подобного фортеля. Он оставил эту боль внутри себя, не позволив ни грамма выплеснуться наружу. Трудно сказать, что потрясло его больше: потеря горячо любимой жены или такая яркая демонстрация катастрофического падения своего социального статуса. Да, он стал никем, жалким брошенным стариком. Возможно, со временем миллионер смирился бы с этой мыслью, но буквально через день после ухода жены он что-то сильно напортачил во время работы, и Степаныч бросил ему укоризненно:

– Ну, работничек, самого простого сделать не способен. Куда же мне такого вредителя пристроить? Может, бабам палки для костров подносить?

Миллионер, конечно же, не понял всей фразы, но с него хватило и интонации. Это выволочка стала той каплей, которая переполнила чашу терпения несчастного. Вечером он украл у одного своего приятеля револьвер, отыскал свою бывшую жену и у неё на глазах хладнокровно выстрелил себе в голову. Честно говоря, многие удивлялись, а почему он и её не приватил на тот свет? Наверное, слишком сильно любил.

Он стал первым, кто добровольно отказался от новой жизни, не приняв изменившихся правил игры, когда всё решают сила, здоровье, какие-то примитивные трудовые навыки, а бывшее богатство и могущество не значат ровным счётом ничего и даже не могут удержать любимую женщину.

На следующий день погода, казалось, оплакивала умершего. Когда мы проснулись, небо уже начало заволакивать тучами. Заметно похолодало, и с моря подул сильный ветер. Женщины засуетились, стараясь успеть с завтраком. Казалось, они опоздают, но нет. Даже природа отступает в борьбе с самым совершенным своим созданием. Мы заканчивали с едой, когда по столам застучали первые крупные капли. Уже через минуту лило, как из ведра. Это был обильный летний дождь, по меркам средней полосы – настоящий ливень. Я даже не пытался где-нибудь укрыться – бесполезно. Хотя большинство из нас жило в палатках, лишь немно-

гие из них имели настоящую пропитку. Да и те вряд ли могли устоять перед таким водопадом с небес. А полиэтилена, чтобы обеспечить настоящую защиту от воды, Степаныч не дал никому, потому что на всех не хватало, значит, нечего плодить привилегированных личностей.

Зато все строительные объекты были укрыты, что надо. В центр каждой вырытой ямы был вбит кол, почти на метр, выдающийся из нее. Поэтому закрывающий яму полиэтилен образовывал что-то вроде пологого холма, и вода не накапливалась в нем, а стекала. Когда я промок до нитки и окоченел, как цуцик, то с трудом подавил желание забраться в одну из ям, где наверняка тепло и сухо. Эх, не зря говорят – хорошо там, где нас нет.

А женщины выставили под дождь все имеющиеся у них чистые ёмкости, от самых больших до самых маленьких. Значит, скоро у них состоится грандиозная стирка. А то вода из маленькой речушки была несколько мутноватой и до сих пор чуть-чуть солоноватой на вкус. И нам приходилось пользоваться такой – другой поблизости не было.

Ливень оборвался так же резко, как и начался. Выглянуло солнце, разглаживая гусиную кожу на наших телах, и вскоре неугомонный Степаныч выпроваживал бригаду на очередную вылазку в город. Те слегка упирались, ссылаясь на мокрую одежду и неизвестное состояние дорог, но он стоял на своем:

– Ничего, там себе новую одежду найдете. А не сможете проехать, возвратитесь взад.

Машины растянулись по дороге, которая сначала вела к океану, а потом делала резкий поворот направо и шла вдоль него. У поворота кавалькада неожиданно остановилась, из шедшего впереди джипа высыпали все его пассажиры и устремились к берегу. После недолгого спора двое из них снимали с себя одежду и решительно бросились в воду с пятиметровой высоты.

Оказалось, что кроме неприятностей непогода преподнесла нам и замечательный сюрприз. Разыгравшийся шторм пригнал к берегу катер. Это было чудесное судно с рубкой и небольшой каютой, в которой, к огромному нашему удивлению, оказалась сеть – небольшой бредень длиной метров пятьдесят. Сам катер был в отличном состоянии, но людей на нем не оказалось – ни мертвых, ни живых. Скорее всего, во время катастрофы его сорвало с причала, и долгое время носило по волнам. Как мы потом убедились, такая судьба постигла и многие другие суда.

Катер стал четвертой по хронологии и первой по значимости единицей нашей маленькой флотилии. О первых двух я уже упоминал, а третьей стала большая спасательная шлюпка, случайно найденная в нескольких километрах от океана. Приливная волна, отступая, мягко опустила шлюпку на землю, не причинив ей ни малейшего вреда. На шлюпке сохранилась надпись «Галисия», очевидно, так называлось какое-то пассажирское судно. Не исключено, что сама «Галисия» тоже нашла свою последнюю гавань где-нибудь в лесу или поле неподалеку. Приливной волне не составляло особого труда совершить такую переброску. Нам уже доводилось сталкиваться с останками громадного кита и стволом баобаба обхватом семь-восемь, доставленных в эти края из немыслимых далей.

У шлюпки имелся один существенный недостаток – отсутствие места для мотора. Исправить его вызвался Кукуманя. Он теперь брался за самую сложную работу, желая загладить свою вину перед человечеством, то есть нами. Ох, не надо было говорить ему о разлитом море спиртного в городе. Бедный Алекс уже не мог не думать о счастье, которое обитало так близко. Ведь в предыдущей жизни он мог позволить себе в больших количествах только самогон, да и его объемы зависели от средств, имеющихся у Кукумани на закупку сырья. А средств у него, несмотря на золотые руки, всегда было мало, так как в нагрузку к рукам ему достались вечно мутные глаза и мало что соображающая голова. А тут целые реки вина, водки, коньяка – и все даром.

На следующее утро Кукуманя исчез. Он дал себе слово вернуться к вечеру, но оказался не в состоянии так быстро завершить долгожданную встречу с выпивкой и загудел на три дня.

Три дня в городе, где нет никого, кроме покойников. Для обычного человека, испытывающего мистический ужас перед мертвецами и связанными с ними суевериями, это были бы три самых кошмарных дня в жизни. Кукуманя никогда не испытывал большего блаженства.

Мы довольно быстро обнаружили его исчезновение и, конечно же, догадались о причине. Тем не менее, мы на всякий случай прочесали лес. Кроме того люди, ездившие в город, помимо своей основной деятельности уделяли час-другой поискам Алекса. Напрасно.

Невероятным усилием воли Кукуманя заставил себя вернуться в лагерь. Впрочем, вряд ли бы ему это удалось, не прихвати он с собой некоторый запас выпивки, который припрятал где-то в лесу. Теперь Кукуманя регулярно исчезал после ужина и появлялся уже затемно сильно навеселе.

Инстинктивно чувствуя, что он балансирует где-то на грани дозволенного, Алекс выпивал ровно столько, чтобы это не отражалось на качестве работы. И брался за любое дело, словно подчеркивая свою заметную роль в нашей жизни. Вот и мотор на шлюпку он приладил просто здорово. Но минифлот не играл почти никакой роли в нашей жизни, пока шторм не пригнал к берегу катер, с грузом, который на тот момент стоил десятка таких катеров – сетью, небольшим, похоже браконьерским, бреднем.

Наша бригада как раз завершила перевозку бревен, и мы с некоторой опаской ожидали наступления следующего рабочего дня. Все остальные уже работали на стройке, успели чему-то научиться, нам грозила самая неприятная черновая работа. Найденная сеть избавила нас от этой унижительной перспективы. По распоряжению Мюррея нашу бригаду ждала очередная переквалификация, на этот раз в рыболовов.

К этому времени даже самые недогадливые понимали, что только океан с его неисчерпаемыми запасами дает нам шанс выжить. Консервы уже стояли поперек горла, да и запасы их были далеко не безграничны. Почти все домашние животные погибли вместе с людьми, а птицы, годящиеся в пищу, были бы истреблены в течение пары недель. Поэтому единственным источником белковой пищи на долгие годы оставались обитатели океана.

Пляж оказался идеальным местом не только для купания, но и приобретения навыков рыбной ловли. Мы спустили на воду лодку и шлюпку и, не включая моторов, на вёслах отплыли от берега. Забросив бредень в воду, мы разошлись в разные стороны, насколько позволяла его длина, и стали медленно подходить к берегу. В прозрачной воде было хорошо видно, как шустрая живность, почувствовав опасность, на всей скорости уходила под лодку или на глубину. Каждая такая мелькнувшая внизу тень вызывала глубокую досаду. А как же, ведь еда разбегается. Невольно мы налегали на весла, заметно убыстряя ход, а старый рыбак, умеряя нашу прыть, разъяренно шептал:

– Куда понеслись! Ишь, оглашенные! – А уже через минуту орал во весь голос. – Вы что спите, сходитесь живее.

Мы сошлись, едва не стукнувшись носами лодок, попрыгали в воду и дружно вытащили сеть на берег. Сколько же там было рыбы! Сеть подрагивала, словно ожила и теперь исполняла какой-то замысловатый танец. Сквозь ячейки сверкала серебром чешуя, но с каждой минутой блеск угасал, поскольку мы жадно хватали добычу и бросали ее в мешок. Когда сеть опустела, он оказался заполненным почти на треть, и теперь, перехватив эстафету от сети, исполнял свой танец. Мы не скрывали радости, и только старик по этому поводу имел собственное мнение.

– Эх, рыбаки, килограмм взяли, десять упустили. И откуда вы только взяли на мою голову? Ладно, давайте еще раз, что ли.

Я давно считал, что работа – это все, что делаешь по необходимости и не имеешь возможности бросить в любой момент. Мы продолжили ловлю, и наше возбуждение стало угасать по мере того, как увеличивалась добыча. Только однажды все проявили живой интерес к рыбалке, когда в бредень попала метровая рыбина, похожая на щуку. Она успела прогрызть

в сети дыру и едва не ушла, а теперь лежала на песке, щелкая пастью с огромными, похожими на миниатюрные ятаганы, зубами.

– Что за зверь? – удивился старик, одним ударом утихомирив добычу. – Похоже на щуку, но не щука, нет.

– Наверное, барракуда, – предположил один из нас. – Я читал, что их мясо ядовито.

– Ты точно знаешь? – спросил я. – А то жаль выкидывать, в ней килограммов пять веса.

– Нет, не точно. Так у нас в лагере есть биолог, у него и спросим.

Маленький, кругленький француз, услышав наш вопрос, грустно сообщил:

– Я цитолог. Изучаю строение клеток растительных организмов.

– Но вы же говорили, что являетесь биологом, – изумились мы.

– Да, – подтвердил Колобок. – Я биолог, но специализируюсь в строении клеток и о рыбах знаю не больше, чем обычный человек. Вы же не станете требовать от пианиста, чтобы он сыграл вам на трубе.

С биологом вышла осечка. Но мы нашли книгу про рыб и прочли, что опасно только мясо барракуд, живущих у коралловых рифов и питающихся ядовитыми рыбами. Час от часу не легче. Выяснилось, что, в отличие от речной, среди морской живности хватает всяких несъедобных тварей. Наша рыбалка стала чем-то напоминать сбор грибов. Теперь мы брали только известных нам рыб, а остальных выкидывали от греха подальше. К счастью, в библиотеке оказался толстенный «Определитель морских рыб», благодаря которому наши уловы стали гораздо меньше страдать от таких ревизий.

Банда

Жизнь налаживалась. Мы обеспечили себя едой, полным ходом шло строительство, которое должно было закончиться уже к августу, а постоянная занятость не оставляла места для печальных мыслей. В это кошмарное утро мы, как обычно, уселись завтракать, переговариваясь друг с другом, отчего стоял монотонный, невнятный гул.

И внезапно этот гул был перекрыт отрывистой пулеметной очередью. Мы, как по команде, повернулись в сторону выстрелов. На невысоком холме, метрах в трехстах от нас, стоял бронетранспортер. Странно, что никто его не заметил. Сразу после выстрелов из-за машины появились пять человек и решительной походкой направились к нам. Все они были вооружены автоматами. Мы замерли в растерянности, не понимая, откуда взялись эти люди и что нам следует предпринять. Думаю, если бы после выстрелов, БТР двинулся в нашу сторону, началась бы паника, люди бы разбежались в разные стороны. Видимо это поняли и незваные гости. А поскольку они не хотели, чтобы мы разбежались, боевая машина медленно двинулась за ними лишь когда пятеро автоматчиков одолели половину разделявшего нас расстояния. Они приближались молча, лица их были злы и сосредоточены, и у нас уже не оставалось никаких сомнений, что ничего хорошего от этих ребят ждать не приходится. Наконец они подошли и так же молча, со злобой, продолжали нас рассматривать. Наконец, стоявший в центре детина сообразил, что вести разговор с людьми, сидящими за столом, довольно затруднительно и гаркнул изо всех сил:

– Всем встать и построиться вот здесь, – он обвёл рукой свободное место перед собой.

Мы не торопились выполнять это хамское требование, и тогда он добавил:

– Тех, кто не успеет за минуту, перестреляем, как собак.

И чувствовалось – перестреляет. Даже не как собак, а как мишени в тире – хладнокровно и с удовольствием.

Мы потянулись из-за столов. Бандиты (как еще назвать этих выродков) отпустили сомнительную шуточку насчет сухости нашего нижнего белья и дружно ржанули. Развеселились, наконец.

Тип, заставивший нас построиться, явно был главарем шайки. Дождавшись исполнения своей команды, он заявил:

– Меня в натуре не интересует, как вы жили раньше. Это чисто ваши дела. Теперь все вы будете подчиняться нашим приказам. Если какая падла, не дай бог, вякнет что-нибудь против или не подчинится, расстрел на месте, конкретно. Скажем, «грызть землю», значит, грызите землю, а свое мнение можете заткнуть себе в задницу. В гробу мы его видали, усекли?

Мы ответили разрозненным нестройным мычанием, которое не устроило бандита.

– Тебе ясно? – ткнул он пальцем в первого попавшегося на глаза мужичка.

Тот на свою беду оказался американцем, к тому же не особо усердствовавшим в изучении русского языка.

– Ясно, что – небо, погода? – стал уточнять он, усвоив только эти словосочетания.

Бандит решил, что над ним издеваются и, абсолютно не изменившись в лице, потянул с плеча автомат.

– Он иностранец, еще плохо понимает по-русски! – воскликнули мы, желая спасти бедного неуча.

– А ты понимаешь? – Главарь ткнул стволом в сторону Владимира.

– Да!

– Тебе ясно?

– Да, – это второе «да» далось Владимиру куда труднее первого.

Главарь, было, удовлетворился результатом опроса, но тут его взгляд выцепил из толпы Тихона. Авторитет смотрел на бандитов презрительным взглядом, как бы размышляя, разогнать этих молокососов прямо сейчас или позволить им еще немного покуражится.

– А ты, козел, все понял? – бросил бандит матёрому уголовнику.

Валун предостерегающе дёрнул Тихона за рукав, но тот, всегда такой хладнокровный и расчетливый, неожиданно сорвался.

– Щенок! Да когда ты еще своей жопой по подштанникам собственное дерьмо размазывал, я уже по зонам чалился. На кого ж ты пасть разеваешь! – весь многолетний жизненный опыт авторитета восставал против того, что сопляк без имени и заслуг в воровском мире способен диктовать ему свои условия. Этого просто не могло быть! Тихон не желал понимать, что уголовного мира, в иерархии которого они занимали столь разные ступени, просто не существует, и все решает грубая сила.

– Шкаф, разберись со старым хрычом, – небрежно бросил главарь, демонстрируя, что считает ниже своего собственного достоинства связываться с Тихоном.

Конечно, он хотел иметь при себе живого, прирученного авторитета-уголовника. Это так льстило самолюбию. Но главарь понимал, что человек, занимавший высокое место в уголовной иерархии, должен уметь постоять за себя, и не хотел рисковать. Пусть уркой займется другой. Сумеет сбить с него спесь – отлично, нет – что ж, бывают в жизни огорчения.

– Нет базаров, Артур, ща сделаем, – пробасил детина, своими габаритами действительно напоминавший дубовый шкаф дореволюционной постройки, и тяжело шагнул вперед.

Толпа в ужасе отхлынула, образовав свободное пространство вокруг Тихона, который решительно оттолкнул пытавшегося успокоить его Валуна и хладнокровно посмотрел в сторону Шкафа. Тот выразительно сжал пудовые кулаки, но Тихон с неожиданной прытью рванул вперед и невесть как очутившимся в руке ножом располосовал бандиту горло. Шкаф издал клокочущий звук – своеобразную прелюдию к начавшейся агонии, а Тихон молниеносно перехватил нож за лезвие и вскинул руку. Но Артур был начеку. Коротко рявкнул «АКМ», вылетевшие с громадной скоростью пули прошли тело авторитета навывлет, в толпе кто-то громко вскрикнул от боли. Тихон выронил нож и упал на успевающую вырасти зеленую травку, конвульсивно суча по ней ногами. Артур бросил настороженный взгляд в сторону Валуна. Тот покорно опустил голову и молчал. Молодые хищники одолели старых.

– У кого еще есть вопросы? – злобно бросил Артур, разъяренный гибелью подельника.

Все молчали. Пока у бандитов за спиной БТР, вопросы задают они, мы отвечаем. Както не приходило нам в голову, что бороться за выживание придется не только с природой, но и себе подобными. А вот Артур и его команда думали совершенно иначе. С их точки зрения, на свете совершенно конкретно и в натуре существовали две разновидности людей. Первая – это они, крутые парни, круче Эвереста, венец творения природы, соль Земли, высшая форма эволюции. И вторая – лохи, которые должны вкалывать, чтобы кормить, поить и катать на «Мерседесах» крутых парней и при этом что-то оставлять себе на прокорм, иначе кто же будет и дальше обслуживать бандитов. Даже конец света не заставил их хоть на самую малость пересмотреть свои взгляды. Да и что пересматривать? Другие люди всегда существовали для них, как наиболее совершенный инструмент удовлетворения собственных похотей. На глобальные проблемы бандитам всегда было глубоко наплевать. Погибло человечество? Какие мелочи по сравнению с тем, что им самим удалось выжить. И не только выжить, но и захватить сотни рабов и десятки наложниц.

– Ладно, можете жевать, – милостиво согласился Артур и первым уселся за стол вместе с приятелями.

Они с жадностью набросились на еду, видно давно питались, чем придется. А нам после всего пережитого и мыслей о ближайших перспективах кусок не лез в горло. Только-только

наладили жизнь, стали с какой-то определенностью планировать будущее, и нате вам, сюрприз из российской глубинки, зигзаг удачи по-нашенски.

Утолив голод, трое рядовых бандитов скрылись а бэтээре, их сменила новая троица. Ситуация окончательно прояснилась. Значит, их было восемь человек, теперь, спасибо Тихону, осталось семеро. Смешное количество на почти тысячу человек. Потому и не оставляют свое бронированное чудовище. Это их единственный шанс держать нас в повиновении.

Насытившись, Артур встал из-за стола и объявил еще один декрет новой власти:

– Всем немедленно сдать оружие. У кого найдем ствол – расстрел на месте.

Пока обладатели винтовок и карабинов ходили за оружием, главарь с интересом рассматривал строящиеся дома. Когда на стол перед ним лег последний ствол, Артур как бы невзначай поинтересовался:

– Строитесь, значит. Кто главный?

Степаныч то ли не расслышал, то ли решил проигнорировать вражеский вопрос, короче промолчал. Артур не долго думая приставил дуло автомата к голове ближайшего к нему человека и повторил вопрос:

– Кто главный?

– Я-я, – чертушкой из табакерки подскочил к нему Степаныч.

Умел Артур ставить вопросы ребром, ничего не скажешь. Он посмотрел на строителя и тоном, не терпящим возражений, заявил:

– Подбери лучших мастеров, пусть выстроят для нас дом. Вон на том месте. И чтоб со всеми удобствами, не то...

Трудно сказать, что имел в виду Артур под всеми удобствами. Провести в дом воду, хотя бы холодную, мы бы не смогли при всем желании. Соответственно, об отправлении естественных надобностей в помещении тоже не могло быть речи. Зато семеро человек в доме – это не сорок, удобство несомненное. Место для будущего жилья бандит выбрал на отшибе, чтобы ночью нельзя было незаметно в него пробраться и всех перерезать. Наверняка, предпримут и другие меры безопасности, например, прикажут установить забор из колючей проволоки. Взаимный страх, как и взаимная ненависть, становился неотъемлемой частью нашего существования.

Дав ответственное задание, Артур разрешил:

– Остальные могут работать, как обычно. И покажите мне лучшую повариху, – видимо он был гурманом.

Естественно, рыбачили мы без всякого удовольствия. Тем более, что на берегу живым напоминанием о случившемся утром маячил тип с на удивление добрым для бандита лицом, отзывавшийся на прозвище Чиж. Еще двух соглядатаев Артур приставил к группе, отправившейся в город. Понимал, гад, что оставшиеся без присмотра люди могут заняться поисками оружия. А много ли его надо? Одна противотанковая граната, десяток стволов – и с этими тварями было бы покончено навсегда. Поэтому Артур старался, чтобы люди не покидали лагерь без присмотра.

Можно, конечно, сказать, что нам не составляло труда улучшить момент и отправить Чижа в последний в его жизни полет. Да, не составляло, тем более, что Чиж регулярно плескался в океане, бросив автомат на песке. Но Артур твердо пообещал, что за каждого погибшего его человека будет убита сотня наших. Нет, не стоил паршивый Чижик той непомерной цены, которая была за него назначена. Мы даже старались не пускать его в воду. Мало ли что может с ним случиться. Особенно если учесть, что во время рыбалки нам все чаще приходилось сталкиваться с новой проблемой. Акулы. К счастью, у нашего берега эти кошмарные создания встречались редко. Крупные рыбы больше привязаны к определенным местам обитания и неохотно осваивают «новые земли». Но малочисленность эти твари компенсировали необычайным чутьем, обнаруживая бьющуюся в сетях рыбу за несколько сот метров. К первой аку-

лей атаке мы оказались совершенно не готовы, и хищница, вырвав клоч сети, сожрала и выпустила не меньше половины улова.

С тех пор за сетью неизменно следовала лодка с вооруженными гарпунами людьми. Уловы из-за этого чуть уменьшились, зато буквально через день мы спасли сеть от нового ущерба и убили первую акулу. По величине она лишь немного превосходила пойманную нами барракуду и не представляла никакой опасности для человека, но могла лишит нас обеда. Потом мы загарпунили еще нескольких акул, но ни одна из них не годилась на роль людоеда.

Тот день выдался особенно жарким. Время шло к полудню, когда мы в очередной раз забросили бредень. Лодки были всего метрах в тридцати от берега, и тут один из гарпунеров заметил плавник. Сторожевая лодка рванулась наперерез хищнице. Акулу это нисколько не смутило. Она была очень голодной и очень большой и знала, что никто в море не осмеливается преградить ей дорогу, когда она стремится к добыче. В воздухе сверкнул гарпун. Он вонзился в тело акулы, пробив толстую шкуру, но голодное чудовище это остановило лишь на мгновение. Казалось, она вообще не чувствует боли.

– В голову бей или в жабры, – тут же посыпались советы.

А в это время Чижик беззаботно плюхался в воде, не обращая внимания на поднявшийся переполох.

Это и сбило акулу с толку. Зрение у нее очень слабое, запаха крови она не чуяла, а звуковые сигналы поступали из двух разных точек. В одной, ближней, билась в сетях пойманная рыба, в другой, дальней, плескался всякий за центнер бандит. Возможно, по вибрации воды акулы способны определять не только место нахождения добычи, но и ее величину. Потому хищница и затормозила, прикидывая, выбрать ей находящуюся почти в челюстях синицу, или более удаленного журавля – Чижа. Тут ее и достала сторожевая лодка. На этот раз гарпунер целил в жаберные щели, надеясь, что остриё войдёт сверху справа, а выйдет снизу слева, что быстро прикончит злобную тварь. Но он промахнулся, и гарпун попал чуть ниже основания головы. Это был один из самых удачных промахов, который я знал. Задев позвоночник, острие гарпуна целиком ушло в тело чудовищной рыбы. Хищница несколько раз конвульсивно дернулась всем телом и затихла, только страшная пасть продолжала то закрываться, то открываться, демонстрируя чудовищные зубы. Я думаю, что по счастливой случайности гарпун перебил нервный пучок, управляющий телом, и тем самым парализовал ее. Хотя, это лишь мое предположение. Видя, что тело громадины абсолютно неподвижно, мы вытащили из него брошенный первым гарпун и несколько раз вонзили его в голову, чтобы твари неповадно было щёлкать челюстями. А то одно неосторожное движение, и прощай рука, отхватит и не заметит. Прикончив рыбину, гарпунеры поспешили вместе с ней на берег, чтобы запах крови не привлёк других акул.

Чиж, наконец, соизволил обратить внимание на нашу шумную возню и недовольно спросил:

– Вы там чё, кита ловите?

Мы с гордостью отбуксировали к стоящему по грудь в воде бандиту нашу добычу. Увидев надвигающуюся на него злобную акулю морду, Чижик, нелепо размахивая руками, бросился прочь из воды и ухватился за автомат:

– Обнаглели, суки! Вы что задумали? Убить меня захотели? Да я вас сейчас на куски разнесу.

Ну не понимал человек шуток, что поделаешь.

– Ты, Чиж, не угрожать, а молиться на нас должен всю оставшуюся жизнь. Если бы не мы, эта красавица тобой бы пообедала, а заодно поужинала и позавтракала, – сообщили мы, с трудом вытаскивая акулу на берег. – Иди лучше помоги, бугай здоровый.

Акула весила не меньше полутора центнеров. Она была очень красива той особой красотой, которой отличаются идеальные орудия убийства, будь то самолет-невидимка или усу-

рийский тигр. Её веретенообразное тело на спине и боках было густо синего цвета, в то время, как брюхо буквально светилось белизной. Как нам затем удалось выяснить, это была акула-мако, предпочитающая охотиться на крупную добычу и порой подходящая к самым берегам. Известен случай, когда стоявший на берегу человек подстрелил мако из гарпунного ружья. Акула, рывком уйдя на глубину, освободилась от гарпуна, а потом выскочила на сушу, пытаясь схватить там горе-охотника. Так что и наша рыбина, скорее всего, предпочла бы полакомиться Чижиком, но на этот раз ей не повезло. Акула сама пошла в пищу, ведь мако раньше являлись объектом спортивного рыболовства. А насмерть перепуганный Чиж больше не решался подолгу купаться в океане. С тех пор бандит, и раньше довольно безалаберно относившийся к своим обязанностям охранника, предоставил нам полную свободу действий, и если во что вмешивался, то лишь желая помочь. Он и поведал нам о том, как удалось спастись их шайке.

В прошлом бригада Артура паразитировала на мелких торговцах небольшого городка. В Москве подобное явление стало почти анахронизмом, но до провинции новые веяния доходят крайне медленно, и кое-где жизнь словно застыла в девяностых.

Люди Артура даже не являлись боевиками, а были обычными вымогателями, взимавшими дань с деловых людей и решавшими возникающие при такой работе мелкие осложнения.

Бригада подчинялась установленной Артуром жесткой дисциплине. Пять раз в неделю они собирались в бывшем горкомовском бомбоубежище, переоборудованном в спортзал с тиром, баней и уютным кафе. О, какая гордость за советских строителей охватывала любого, кто бывал в горкомовском бомбоубежище! Какая уверенность в собственное будущее вселялась в каждого, входящего сюда по учебной боевой тревоге! Здесь слуги народа могли не волноваться, что придется разделить судьбу своих хозяев, чьи убежища в случае конфликта неминуемо превратились бы в братские могилы.

В тот день, как обычно бандиты таскали осточертевшее железо, стараясь при этом думать о чем-нибудь приятном: бабках, бабах, кутежах и далеких курортах. И в этот момент их потрянуло. Внизу толчок был не особенно ощутим, но легко представить, что творилось в городе. Затем последовала новая серия толчков, причем даже здесь можно было слышать грохот рушащихся зданий, а по потолку убежища пошли мелкие трещинки. Наконец все стихло.

– Сматываемся, быстрее! – нервно выкрикнул один из бандитов.

Ах, если бы прошло это предложение! Тогда бы наша жизнь сложилась совсем по-иному. Но Артур оказался куда более осторожным и сообразительным.

– Сидеть! – приказал он. – А что если это война?

– С кем?

– Мало ли. Те же американцы могли решить, что Россия достаточно ослабела, и нефиг ей давать снова набрать силу.

– Тем более, надо поскорее делать отсюда ноги, а то примут за важных шишек и к стенке.

– Идиот! Если они скинули атомные бомбы, мигом от радиации загнешься. Надо бы проверить.

В бомбоубежище остались кое-какие вещи от старых времен, которые побрезговало украсть прежнее начальство. После лихорадочных поисков бандиты обнаружили вскрытую коробку с несколькими дозиметрами. Не грубые войсковые, как в обычных убежищах, а элегантные коробочки с индикаторным экраном. Видно, изначально дозиметров было так много, что хватило всем, а воровать сразу несколько пусть изящных, но не самых нужных в хозяйстве вещей, никто не стал. Увы, в дозиметрах не было батареек. Пока достали все элементы из мобильных, плэйеров и прочих имевшихся с собой электронных игрушек, да нашли подходящие, прошло время.

И тут бандиты услышали какой-то странный шум. То шла приливная волна. Если бы они по совету своего приятеля выскочили наружу, то на этом их никому не нужный жизненный

путь и закончился. Осторожность Артура позволила бандитам в скором будущем насладиться кое-чем, ранее им совершенно неведомым – неограниченной властью.

Странные и явно опасные события наверху заставили будущих властелинов надолго затаиться. Несколько часов они курили, строили догадки о происходящем и со страхом ждали продолжения. Но все было тихо. Наконец, Артур приказал готовиться к выходу и вставил в дозиметр нужные батарейки.

– Норма, чего бояться? – взглянув на табло, радостно гаркнул один из бандитов.

– Так на то оно и бомбоубежище, чтоб здесь все было в норме, debil, – окрысился на него Артур.

Парнишка, временно осознавший всю свою непроходимую тупость, сконфуженно замолчал.

Артур отправился к выходу и приставил дозиметр к стыку между дверью и косяком. Прибор остался совершенно равнодушным к таким ухищрениям главаря, ни на йоту не изменив показаний.

– Так, – после короткого раздумья заметил Артур. – Надо чуть приоткрыть дверь.

Бандиты мигом открыли хитроумные запоры, но многотонная стальная дверь, открывавшаяся наружу, которую, благодаря удачной конструкции, раньше могла распахнуть даже не очень развитая физически женщина, сейчас не поддавалась усилиям двух здоровенных мужиков.

– Камнями завалило, – уверенно заявил Артур. – Ну-ка, взялись дружно.

Он ошибался. Благодаря особой планировке, вход в убежище практически не могло завалить камнями. Нет, здесь постаралась приливная волна. Она уже схлынула, но вход в убежище находился ниже уровня земли, и теперь его накрыл многометровый слой воды, которой просто некуда было уйти.

– Навалились! – приказал Артур, не подозревая, какую подлянку уготовила им судьба.

Под дружным напором девяти мужиков дверь распахнулась, внутрь хлынул мощный поток, сбив бандитов с ног и с размаха расшвыряв их тела по стенам бомбоубежища. Меньше всех повезло Кроту. Он с такой силой шмякнулся головой об угол, что та раскололась, словно грецкий орех. Остальные отделались куда легче: ссадины, ушибы, вывихи. Поток быстро иссяк, вода заполнила громадное помещение едва достигающим до колен слоем.

Бандиты не долго горевали над телом погибшего кореша, куда больше их волновала собственная судьба. Артур выронил дозиметр, его никак не могли найти, да и вряд ли прибор сохранил работоспособность после водной купели. Не избежала купания и вся бывшая у них электроника, и нужные батарейки оказались основательно подмочены соленой водой.

– Кстати, а откуда в удаленном на тысячи километров от морей городе соленая вода? – наконец дошло до них

Любопытство взяло вверх над страхом. Да и не вечно же здесь торчать. Бандиты выбрались на поверхность, с удивлением разглядывая какой-то посторонний ландшафт. Казалось, пока они сидели внизу, кто-то на месте их города построил гигантские декорации для съемок фильма катастроф. Хорошо знакомые дома превратились в груды развалин, битые искореженные машины, многие перевернутые, словно игрушки неряшливого ребенка-великана, валялись в самых неожиданных местах, а усеянную обломками дорогу перегораживал неизвестно откуда взявшийся ствол огромной сосны. И трупы, повсюду трупы. Когда от мощных толчков стали рушиться здания, люди успевшие выбежать на улицу, в большинстве своем оставались рядом с жильем. Надеялись вернуться туда, что ли? Тут их и настигал водяной вал. Большинство уносило куда-то потоком, но некоторые застревали в остовах домов или прибывались к их стенам. К тому же, отступая, стихия вернула часть трупов назад. Правда, это были уже не те трупы.

И снова бандитам повезло. Они довольно быстро встретили свидетеля, который рассказывал им о том, что произошло. Свидетелем оказалась сравнительно молодая женщина. Бандиты

отблагодарили ее довольно своеобразно, используя в качестве наложницы. Женщина такой благодарностью очень скоро пресытилась и при первой же возможности бежала. Поначалу Артур и его команда восприняли ее исчезновение без особых эмоций – ну, смылась, курва, так другую найдем. Лишь позже они убедились, какую ценную добычу выпустили из рук.

Первое время они жили в бомбоубежище. Там имелась автономная установка для подачи электричества и воды, а рядом самые шикарные в городе магазины. Оттуда и питались. Икру жрали ложками, французским коньякам ополаскивали фужеры, перед тем, как налить туда армянский, и все равно тосковали о прошлом.

Не хватало общества, прежде всего женского, состояния томительно-радостного возбуждения перед очередной разборкой, ощущения дикой, первобытной власти над запуганным должником, трясущимися руками протягивающим мятые бабки. А тут еще трупы, поначалу казавшиеся такими безобидными. Конечно, мертвые не кусаются, зато как воняют. Одно время бандиты крепились, но когда даже от вскрытых консервов стало нести мертвечиной, а по телу Шершня пошли красные пятна, резко засобирались.

Они шли по городу, с удивлением обнаруживая признаки вялотекущей жизни. То основательно обчищенный недавно магазин, то свежий след от колес, то какие-то странные звуки. Возможно, кто-то даже за ними следил, но не спешил выходить навстречу. Уж больно подозрительно выглядела эта восьмерка, не сулил ничего хорошего их вид.

Бандиты поселились в нескольких километрах от города, регулярно приезжая туда за всем необходимым. Поначалу они использовали для этого чудом уцелевший «Мерседес», но русские дороги да еще после конца света оказались не по плечу шикарной легковушке. И они тоже пересели на джипы.

Наличие рядом людей, возможно молодых женщин, не давало бандитам покоя. Однажды поздно вечером по свету костра они накрыли одну компанию, но их ждало горькое разочарование. Из двадцати человек семнадцати было за пятьдесят и больше, а троим меньше десяти. Однако после интенсивных расспросов удалось выяснить, что тут есть еще одна группа, состоящая преимущественно из молодежи. Бандиты уже радостно потирали руки, но... Молодежь оказалась не промах, мужчины встретили визитеров с оружием в руках и вовсе не для того, чтобы устроить салют в честь гостей. Вдобавок бандиты узнали в одной из женщин свою недавнюю пленницу и тут же исчезли по-английски, не прощаясь. Теперь они сидели на месте, не делая резких движений, поскольку опасались, что из охотников превратились в дичь. Так прошло два дня, и тут до Лысого, наконец, дошло:

– Я бывал в одной военной части рядом с городом. Может, там разживемся оружием?

– Так тебя вояки и пустили, – засомневался Петруха.

– Дебил ты был, дебилом и остался, – похвалил его за постоянство Артур. – Какие вояки? Ты в городе в последнее время хоть одного видел? Если бы они уцелели, то давно бы на помощь пришли, спасали выживших. Собирайтесь быстро.

Военный склад представлял собой жалкое зрелище. Стоявшая на улице техника превратилась в огромную кучу металлолома. Даже танками, этими многотонными машинами, приливная волна позабавилась, словно игрушками, одни нагромоздив друг на друга, а другие небрежно зашвырнув далеко за территорию части. Зато построенный на совесть огромный гараж не поддавался напору стихии. Там, наверняка, могло найтись много чего интересного для бандитов.

– Рули туда, – приказал Артур, когда джип подкатил к поваленной ограде.

Вместо этого водитель резко ударил по тормозам. Сидевший рядом с ним Артур клюнул носом, едва не размазав его по «бардачку». Находившиеся сзади быстренько сообразили на шестерых кучу-малу. Артур выпрямился и хотел отвесить незадачливому водиле затрепину, чтобы вправить мозги, и тут заметил, что поперек дороги лежит «ёж» – усыпанная

шипами металлическая лента. Артур привык, что на дорогах может валяться что угодно и к этому факту отнесся очень легкомысленно.

– Лысый, убери это дерьмо с дороги.

Лысый со вздохом выбрался из машины и пошел убирать дерьмо. Но тут откуда-то из-за поваленных деревьев выскочил молоденький солдатик с автоматом наперевес и срывающимся фальцетом выкрикнул:

– Стой, стрелять буду!

Лысый застыл, как истукан, водила стал лихорадочно перегонять рукоятку на заднюю скорость, но Артур врезал, наконец по его бестолковке и, высунувшись в окно, поинтересовался:

– Ты в кого стрелять собрался, земляк?

Солдатик растерялся, автомат в его руках дрогнул, и Артур поспешил закрепить достигнутый успех:

– Смотри, а то последних русских мужиков на тот свет отправишь.

– Марченко, ты как несешь охрану вверенного тебе объекта?

На помощь солдату подоспел суровый мужчина в капитанской форме.

– Эх, товарищ капитан, – скорбно вздохнул Артур. – Не от кого больше охранять ваш объект, все погибли.

Как и рассчитывал главарь, стремление как можно более полно узнать о происшедшем победило чувство долга. Ведь после катастрофы их в части осталось только трое. Одного капитан послал разведать обстановку и получить указания, а сам с Марченко остался стеречь объект. Естественно, они понятия не имели о том, что творится в окружающем мире. Лишь догадывались.

Артур утолял их жажду знаний, одновременно прикидывая, кого из служивых оставить в живых. Капитан, несомненно, лучше знал, где хранится какое вооружение, но он был твердым орешком. К тому же бандитам не нужно было ничего сверхъестественного, десяток автоматов да ящик гранат. Поэтому главарь без особых колебаний приговорил к смерти капитана.

Артур тысячи раз видел, как убивают в кино, сотни раз отработывал способы убийства на манекенах, но еще ни разу не проделывал это с живым человеком. Новизна задуманного вызвала прилив энтузиазма, но что-то мешало вот так, ни с того ни с сего взять да зарезать живого человека. Ничего, Артур знал, что сломает этот возмутительный барьер.

– Ну что, мужики, вспрыснем нашу встречу. И друзей помянем, пусть земля будем им пухом, – предложил он.

Хитро закрутил. Отмечать встречу капитан мог и отказаться, но не выпить за погибших товарищей было бы кощунством. Ох, умел Артур с невинным видом засветить ниже пояса.

Лысый притащил из машины ящик водки, солдатик сбегал за закуской. Начали поминать. Капитан, жажнув стакан, стал рассказывать о своих товарищах, первом ушедшем друге, который бесследно сгинул в Чечне, втором, погибшем в Сирии. Артура оды героически павшим бесили всегда. То ли дело хапнул зеленый лимон и подавился. А гикнуться задаром большого ума не надо. Он ощутил готовность действовать и, незаметно подмигнув Шершню с Лысым, вслух сказал:

– Кто со мной отлить за компанию?

Все, кроме этих двух, остались на месте, ожидая, когда капитан иссякнет и можно будет налить по второй.

– Я мочу капитана. Ты, Шершень, меня страхуешь, а ты, Лысый, нейтрализуешь салажонка. Только не пришей, он нам нужен живым, – Артур выщелкнул лезвие ножа, проверяя на всякий случай, и злобно ухмыльнулся. – Пошли.

– Эй, командир, мы уже заждались. Водка ж греется, – обрадовался его появлению Чиж.

– В любом деле главное – не обделить начальство. Правда, капитан? – Артур наклонился к офицеру и вдруг молниеносным движением вонзил ему в грудь нож. И хотя многократно отработывал этот удар на тренировке, в сердце с первого раза не попал. Пришлось ударить еще и еще. Потом он даже примерно не мог сказать, когда резал живого человека, а когда остывающий труп. Одно знал точно – помощи Шершня не понадобилось.

Солдатик ничего этого не видел. Лысый вырубил его одним хлестким боковым ударом. Когда служивый очнулся, то увидел двух бандитов и Артура, поигрывающего ножом с окровавленным лезвием.

– Жить хочешь? – голос, казалось, доносился издалека, словно ему приходилось продирается сквозь застилавшую мозг пелену.

Солдатик изумленно смотрел на бандитов, не понимая, чего от него добиваются.

– Жить хочешь?.. Тебя, гнида, спрашивают!

Марченко, наконец, понял. Он утвердительно кивнул головой, а затем, словно опасаясь, что этого мало, произнес:

– Да, хочу. Очень хочу.

– Замечательно. Но хотеть мало. Жизнь надо заслужить, кому попало мы ее не даем, – сурово заявил Артур.

– Я ее заслужу, вот увидите, я буду очень стараться, – горячо запричитал Марченко.

– Для этого ты должен стать одним из нас. Но это потом. Сейчас нам нужно оружие. Знаешь, где что лежит?

Марченко утвердительно кивнул головой. На самом деле он не имел четкого представления о том, где хранится стрелковое оружие, и первым делом отвел бандитов в один из гаражей. Там стояли новые бэтээры – последняя разработка отечественных гениев военно-конструкторской мысли. Замечательная машина обладала фантастической проходимостью и была вооружена крупнокалиберным пулеметом и двумя ракетными установками. Кроме того, она была напичкана электроникой и могла обнаруживать скопление живой силы противника на расстоянии сорока километров. Когда солдатик, обучавшийся управлению этим чудом техники, рассказал о своем замечательном питомце, Артур позабыл и о автоматах и о гранатах. Он обошел машину кругом, уважительно погладил ее по корпусу и самоуверенно заявил:

– Кажется, у нового мира появился хозяин.

После чего без всякого перехода угрожающе обратился к Марченко.

– Если ты один, без сопровождения, приблизишься к этой штуке ближе, чем на пятьдесят метров, пришью на месте, понял?

Солдат уже привык к самым разным угрозам и почти автоматически кивнул головой. Затем повел бандитов дальше. Через несколько часов они затарились и автоматами, и патронами, и гранатами, а кроме того другими полезными вещами, после чего продолжили пьянку. Наутро, опохмелившись, Артур выдал фразу, ставшую, как некогда «Коммунистический манифест», руководством к действию, причем не менее исчерпывающим, хотя в тысячу раз короче:

– Люди должны кучковаться. Тут мы их и накроем... Едем.

Очень скоро не только Артур, но и остальные братки поняли, что Марченко никогда не сумеет вписаться в их дружный коллектив. Солдат не был рожден крутым. Он до мозгов костей был лохом. Марченко не представлял, как можно брать, ничего не давая взамен. Хуже того, сам он мог отдавать совершенно бескорыстно, Марченко их боялся и одновременно люто ненавидел. На практике это означало, что стоит солдату хоть на минуту остаться одному в бэтээре, и он попытается уничтожить их всех. Но не это самое страшное. Ведь попытка так попыткой и останется, не сможет он хладнокровно отправить на тот свет беспомощных людей, но ведь потом уведет машину, как пить дать, уведет – и прощай надежда на светлое будущее.

Лучший среди бандитов водила – Гром стал обучаться у Марченко управлению машиной. И предлог нашелся – Лысый приболел. Тут братки и подкатили к служивому – не дело

хранить монополию на управление «тачкой». А вдруг ты расхвораться или того хуже? Как быть остальным?

Марченко все понял, но куда деться? Пришлось обучать Грома. Тем более, нет худа без добра. Когда бандит освоил основные функции, наблюдение за Марченко ослабло, и в первую же ночь солдатик благополучно сбежал.

– Козлы, недоноски, фраера дешевые! – узнав об этом, разорался спросонья Артур. – Он же нас всех заложит!

– Кому? – Вкрадчиво спросил Лимон.

– Ах, да, – опомнился главарь. – Но все равно – козлы. Раз на мелочи лопухнулись, то и по крупному облажаетесь.

Они почти неделю мотались по новому материку, один раз чуть не нарвались на крупные неприятности и, наконец, тепловизор указал на большое скопление живых существ. Вечером они подобрались к нашему лагерю, разведали, что хотели, а утром провели безукоризненную, если не считать единственной осечки, операцию захвата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.